

Сергей
ДОНСКОЙ

НАРКОМЕНТ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей Георгиевич Донской

Наркомент

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281132*

Наркомент: Эксмо; Москва; 2000

ISBN 5-04-005890-X

Аннотация

Хитрый способ перевозить героин придумала наркомафия. Но не очень надежный. Дилер торговой фирмы Игорь Бодров довольно легко его обнаружил. А заодно уложил несколько видных ее заправил. В результате милиция навешала на него всех собак – он и наркодилер, и убийца. Вскоре выяснилось, что менты сами охотятся за партией героина, попавшей в руки Игоря. И теперь он оказался между двух огней – с одной стороны бандиты из наркомафии, с другой – бандиты в погонах...

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	9
3	14
4	20
5	24
6	29
7	34
Глава 2	41
1	41
2	47
3	54
4	59
5	64
6	70
7	76
Глава 3	83
1	83
2	90
3	97
4	103
5	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сергей Донской

Наркомент

Любые совпадения с реально существующими людьми или организациями являются случайными и не должны рассматриваться как преднамеренные.

*Воскрес я и сейчас же к людям в гости.
Я уж и руки для объятий распротер:
Но гвозди! до сих пор мешают гвозди
Обнять любимых братьев и сестер.
Неизвестный поэт конца второго тысячелетия от
рождества Христова*

Глава 1

1

Я проснулся и одним открытым глазом увидел свою домохозяйку. Этой женщине я задолжал квартплату за два месяца, а значит, ее появление не сулило ничего хорошего. Я выдавил из себя сиплое:

– Здрас-сть.

Никакой реакции. Поджав губы, домохозяйка молча ждала чего-то. Наверное, чтобы я потрудился открыть и второй

глаз. Пришлось подчиниться. И вот я обнаружил в комнате присутствие еще одного персонажа: незнакомого мужчины в до боли знакомой форме участкового милиционера.

– Чем обязан? – поинтересовался я с фальшивым любопытством, когда принял вертикальное положение и натянул штаны.

– Он еще спрашивает! – Это была единственная членораздельная фраза, вырвавшаяся из уст домохозяйки, а потом тирада перешла в пронзительный визг, смысл которого был понятен без слов: она хотела денег.

Мое удрученное молчание было не менее красноречивым: платить мне было нечем.

Сообразив, что диалога у нас не получится, участковый счел своим долгом вмешаться в события.

– Так, так, гражданин Бодров Игорь Михайлович, одна тысяча девятьсот шестьдесят шестого года рождения. Нарушаем, значит?

Хилая милицейская папочка перекочевала под мышку, а в освободившихся руках гость тискал мой паспорт, которым успел завладеть, пока я мирно спал.

– Три месяца не платит, обнаглел вконец! – плаксиво пожаловалась домохозяйка.

– Два! – обиделся я на поклеп.

– Два месяца и две с половиной недели, я специально считала!

– Нарушаем! – убежденно подытожил участковый.

Спорить с ними было бесполезно. Они явно давно спелись: надтреснутый милицейский баритон и визгливое хоззякино меццо-сопрано. Затянув свою обличительную песнь разом, они вроде как перебивали друг друга, но все равно звучали слаженно, как оперные солисты, ведущие каждый свою арию. И, как водится в опере, отдельные слова воспринимались с трудом, но общий текст либретто был доходчив. Я был законченным мерзавцем, наглым проходимцем, обманувшим достойную женщину, давшую мне приют. Но пришел час расплаты. Именно так участковый и выразился: «час расплаты». Видать, не только оперативные сводки вперемешку с циркулярами читал, но и беллетристикой в свободное время баловался, может быть, даже сам тайком пописывал.

Домохозяйка опять заголосила. Если пропустить все междометия, оскорбления и угрозы, то мне предлагалось немедленно выметаться вон и не возвращаться за вещами без требуемой суммы. В такт своим завываниям домохозяйка позванивала связкой моих ключей, конфискованных навеки. Оказывается, какой-то хмырь вручил ей задаток и желал вселиться на мое место немедленно. И хмырь этот характеризовался как оч-чень порядочный молодой человек, не чета мне, разгильдяю и голодранцу.

– Я заберу только самое необходимое, – примирительно сказал я, взывая к здравому смыслу участкового. – Документы, сменное белье.

Он не дал мне закончить, а продолжил перечень с явным знанием дела:

– Продукты питания, кроме требующих тепловой обработки, постельные и туалетные принадлежности, посуда, футляры для очков и мыла, зеркало, бритва механическая или электрическая. Там еще много чего, в приложении номер три.

– Приложении к чему? – осведомился я, уже догадываясь о происхождении списка, составленного суконным канцелярским языком.

– К правилам внутреннего распорядка ИВС. – Участковый принял такой торжественный вид, словно только что процитировал мне Библию. А закончил вполне прозаически: – Если будете продолжать препираться, то трое суток я вам обеспечу. Минимум.

– На каком основании? – мне очень хотелось, чтобы голос мой звучал уверенно и внушительно.

– Основания найдутся, гражданин Бодров. – Он потряс моим паспортом. – Нарушение режима прописки, раз. Бытовое пьянство, два. – Милицейский палец обличающе ткнул в одинокую бутылку из-под водки на подоконнике. – А также оскорбление должностного лица при исполнении обязанностей. Служебных обязанностей, между прочим. Вот таким образом, Бодров, таким вот макаром.

Лицо у него и впрямь было должностное, дальше некуда. Проще говоря, гнусная харя, испытывающая миг торжества

над человеком, оказавшимся в безвыходном положении. Домохозяйка тоже сияла, хотя подозревала, что за своим небогатым скарбом и паспортом я могу никогда не вернуться, — об этом свидетельствовала трагическая морщинка, которую ей не удалось окончательно согнать со лба.

Я высказал им все, что о них думал. Употребил при этом массу самых нелестных эпитетов. Мысленно, конечно. Програвший, покидающий поле боя с угрозами и проклятиями, жалок и смешон вдвойне.

Я просто оделся, гордо прошествовал к двери и хлопнул ею настолько громко, насколько это было возможно при наличии войлочной прокладки.

И оказался разом отсеченным от прежнего монотонного, но зато беззаботного существования.

Очутившись на зимней улице без вещей, документов и даже без права на жилплощадь, я сразу почувствовал себя полноценным бомжем.

Шагали мимо по скрипучему снежку прохожие, спешили в разные стороны машины, вороны настороженно хохлились на голых деревьях. И никому не было дела до моей беды, никто не собирался протягивать мне руку помощи. Я был предоставлен сам себе, неприкаянный и растерянный. Похоже, у меня отныне осталось одно-единственное пристанище – место работы. Туда-то я направился.

Я являлся региональным менеджером столичной фирмы «Айс», торгующей оборудованием для магазинов, баров и ресторанов. Трудился не сказать чтобы в поте лица, но и получал не густо – 3 500 рублей в месяц. Едва хватало, чтобы одному сводить концы с концами. О моей личной жизни сказать в общем-то нечего. Она была именно такая, какую способен построить малообеспеченный тридцатилетний холостяк с никому не нужным высшим образованием.

Выставочный центр холодильного и торгового оборудования, которым я заведовал, оставался моим последним оплотом. Я трудился там на пару со своим помощником Серегой, молодым коммуникабельным парнем с улыбкой и свежим анекдотцем наготове. Торговали мы тем, что бог пошлет и

чем наградит Москва. В наш стандартный ассортимент входили всевозможные морозильные шкафы, лари, витрины, стеллажи и так далее, вплоть до ярких пластиковых муляжей всяких вкусностей, вызывавших одним своим аппетитным видом стойкий слюноотделительный рефлекс. Кроме этой фальшивой мелочевки, все в нашем центре было настоящим и дорогим.

Обычно выставка пополнялась раз в месяц, и сегодня был как раз такой день: с утра мне и Сереге предстояла разгрузка очередной фуры. Найдем пару мужиков в подмогу, да и сами до седьмого пота покорячимся с тяжеленными экспонатами, чтобы сэкономить сотню-другую на карманные расходы.

Бодро выдыхая морозный пар вперемишку с сигаретным дымом, я свернул к своему центру и издали заметил заснеженный грузовой фургон с изображением белого айсберга на темно-синем борту. Рядом, будто пингвины на льдине, перетапывались мужские фигурки, среди которых я узнал Серегу. Я даже обрадовался, что скучать сегодня не придется. Может, правду говорят, что работа позволяет отвлечься от невеселых мыслей?

Так и случилось. Я работал как вол, лишь изредка отвлекаясь на пустяки: то кому-нибудь пальцы придавит, то лопнет витринное стекло, то просто наемные мужики потребуют немедленного перекура и передышки проспиртованным организмам. А когда большая часть оборудования была выгру-

жена и занесена внутрь выставочного центра, я даже позволил себе откликнуться на звонок телефона, который до сих пор упорно игнорировал.

– Слушаю.

– Добрый день. Сейчас с вами будет говорить Черняков, – сообщила мне «айсовская» секретарша таким приподнято-торжественным тоном, словно собиралась соединить меня минимум с президентом.

– Игорь? – долетел до меня приглушенный барственный голос.

– Я, Леонид Александрович. Добрый день.

Он, как обычно, приветствие проигнорировал. Как-никак мой шеф – не самый главный, но зато самый непосредственный. Черняков Леонид Александрович являлся коммерческим директором фирмы. Ему я докладывал об успехах на торговой ниве, сдавал отчеты и черный нал, с ним же пытался решать возникающие проблемы, в которые он никогда не желал вникать. Обычно Черняков общался со мной через губу, но сегодня снизошел до нескольких теплых ноток:

– Как дела, Игорь?

– Нормально. Разгружаемся.

– Не забудь все принять по накладной. И командировки водителям подпиши. А то вы в своем Курганске вечно все путаете.

Я поморщился: за год работы в «Айсе» у меня не случилось ни одного серьезного прокола, но столичное руко-

водство вечно подозревало меня в провинциальной тупости. Впрочем, спорить с Черняковым было бессмысленно. Там, в Первопрестольной, он вряд ли считался такой уж великой шишкой, но для регионального менеджера коммерческий директор – бог и царь. Хотя за минувший год мы с Сергеем отгрузили клиентам оборудования примерно на триста штук баксов, наш центр числился среди отстающих, и Москва полагала, что имеет полное право смотреть на Курганск свысока. Что Черняков с удовольствием и демонстрировал мне, сирому и убогому.

– Как с продажами? – Тон коммерческого директора остановился на нейтральной отметке: ноль градусов по Цельсию. – Есть какие-нибудь сдвиги?

– Есть, – уверенно соврал я. Если номер не пройдет, мне от этого хуже не будет, а если сдвиги действительно произойдут, то именными часами «Ролекс» меня награждать не станут. – Конечно, есть, – повторил я с истовой убежденностью политика, которого спросили, имеет ли он реальную программу по выводу России из экономического кризиса.

– На словах у тебя всегда все гладко. – Черняков недоверчиво хмыкнул. – Активнее надо быть, родной мой. Вечно приходится за тебя работу выполнять.

Я представил себе напыщенного Чернякова при двухсотдолларовом галстуке, принимающего из кузова на свою хилую грудь морозильный ларь «Фрабек» весом в 150 килограммов, и саркастически ухмыльнулся. А он тем временем

продолжал:

– Вот, между прочим, я вам клиента нашел на «Текну».

Это такой прозрачный холодильный шкаф с вращающимися полочками внутри, самый наш ходовой товар. Он бы и без помощи коммерческого директора не залежался, поэтому я не спешил рассыпаться в благодарностях, просто констатировал:

– Мы как раз только что разгрузили «Текны», обе.

– Я имею в виду золотистую, – уточнил Черняков. – Сегодня ближе к концу дня за ней явится некий Геворкян. Он позвонил мне и сделал заказ. Я дал ему хорошую скидку, так что примешь у него 1300 у.е., запомнил? Если потребует накладную – выпиши. Задача ясна?

– Ясна, Леонид Александрович.

Чего уж тут непонятного? Нужно всего лишь получить чужие доллары и отдать чужой товар. А у самого голова болит, где бы деньжатами разжиться, чтобы не остаться без имущества и крыши над головой. У Чернякова просить бесполезно: зарплату за предыдущий месяц мы с Серегой уже получили и благополучно профукали. Теперь еще несколько недель куковать, положив зубы на полку. Зубастая кукушка, надо же! Вообразив себе такую абстрактную нелепицу, я неожиданно так разозлился, что бросил трубку и больше ее не снимал, несмотря на отчаянные телефонные трели. Мне и без московских указов забот хватало.

Удача, как всегда, улыбнулась совершенно неожиданно. Она явилась ко мне примерно в три часа дня в облике богато одетого лоботряса с замашками щедрого покупателя. Ядовито-желтое пальто на нем было длиною с добротный боярский кафтан, зато кепочка на голове подкачала: очень уж малюсенькая. Шикарное пальто сопровождали два замшевых кожаных внушительных размеров. У всех троих – босса и его холуев – квадратные носы штиблетов сверкали новизной.

– Я Валера, – представился некто в пальто, а вместо фамилии или отчества присовокупил: – Ночной клуб «Мистер Икс», слышал?

– Конечно, – подтвердил я как можно более почтительно. Состоятельные лоботрясы любят, когда их значимость в этом мире бывает оценена по достоинству. К тому же я действительно был наслышан про клуб «Мистер Икс». Кто же в Курганске не любовался неоновой вывеской этого наизлучнейшего заведения города? Сиживали в клубе лишь избранные счастливичики, денежные ребята.

– Это чего такое? – Валера подцепил рукой пластмассового лобстера и искренне восхитился: – Как живой, в натуре! А, пацаны?

Валерины спутники одобрительно загудели, а он, прихватив муляж, прошествовал вдоль наспех расставленного обо-

рудования. Его бодигарды и я с подоспевшим Серегой тянулись следом почтительной свитой.

– Откуда купец? – спросил Серега шепотом.

– Не встревай, – так же тихо отозвался я. – Не спугни мне этого жирного толстолобика.

Валера тем временем продолжал обход наших владений, на которые смотрел с интересом потенциального собственника.

– Что это у вас все в ящиках? – сделал замечание он. – Ни хрена не видать!

Румяный, гладкокожий, с большой красной игрушкой в руке, издали он напоминал разочарованного ребенка. Я бросился его утешать:

– Просто мы только что закончили разгружать новое оборудование. Если вас интересует что-нибудь конкретное...

– Интересует, – надул щеки Валера. – Очень даже конкретно интересует. Хочу в баре какую-нибудь хреновину для тортов и пирожных поставить. Такую, знаешь, чтобы... их! – Его рука сжалась в кулак, как бы желая раздавить невидимый эклер.

– Витрину? – высунулся Серега.

– Не-а. – Валера отмахнулся лобстером, а свободной рукой изобразил в воздухе нечто высокое и прямоугольное.

– Кондитерский шкаф? – проявил сообразительность я.

– О, братишка! – обрадовался Валера. – Шкаф. Такой, понимаешь, навороченный. Сделаешь?

– Пожалуйста, – я увлек его к «Текнам», заманчиво притаившимся под прозрачной полиэтиленовой упаковкой. – Вот. Не Польша какая-нибудь, не Турция даже. Италия.

Поглаживая белый бок шкафа, я самозабвенно заливал, какой он весь расчудесный, как лихо крутятся-вертятся его стеклянные полки, как ярко сияют его лампы, как стабильно сохраняется заданная температура внутри. Валера прервал мою лекцию:

– Да я с ходу врубился, что это – вещь. Хватит по ушам мне ездить. Лучше скажи, сколько этот гроб с музыкой стоит?

Гроб с музыкой! Он выразился достаточно точно. Правда, это выяснилось несколько позже. А в тот момент я даже немного обиделся.

– Вы имеете в виду шкаф «Текна»? – переспросил я назло Валере.

– «Фуекна»! – передразнил он. – Сумму назови.

– В рублях? – я продолжал изображать из себя примороженного специалиста.

– Тормозишь, да? – Валера раздулся в своем желтом пальто до размеров небольшого паруса. – Я же сказал, кто я такой и откуда. Нормальную цену назови. В баксах.

– Сергей, – одернул я Серегу, открывшего было рот. – Сходи принеси каталоги на продукцию фирмы «Ифи».

Когда дело доходило до подсудной купли-продажи за иностранную валюту, я всегда старался обойтись без лишних

свидетелей. Имелась еще одна веская причина держать Серегу на расстоянии в эти щекотливые моменты: называемая мною цена иногда незначительно отличалась от указанной в прайслистах. В сторону увеличения, разумеется. Тут главное было угадать клиента, который не станет торговаться из-за каждого доллара или нудно выяснять принципы «айсовских» скидок.

Отослав помощника, я, похолодев от собственной наглости, заявил шикарному Валере:

– Полторы тысячи.

Он даже бровью не повел. Важно принял к сведению мою информацию и, отступив на шаг, принялся сравнивать оба красавца-шкафа – белоснежный и бронзово-желтый.

– Этот беру. – Валерин палец ткнулся в облюбованный холодильник. – Золотой. Будет под цвет всех прибаамбасов в баре.

Этого и следовало ожидать. Два массивных перстня на пальцах, на шее наверняка толстый жгут из того же благородного металла. Зачем ему белая «Текна»? Он ведь не невесту выбирает.

– Путево, шеф, – польстил один из бодигардов.

– Золото – оно и есть золото, – глубокомысленно изрек второй.

Ну вот. Неведомый мне Геворкян, сосватанный Москвой, рисковал остаться с носом. Я забрал принесенные Серегой каталоги и отправил его за новыми, выдумав название несущ-

ществующей фирмы, чтобы копался подольше. Выдержал драматическую паузу и соврал совсем уже напропалую:

– Золотистая «Текна» стоит дороже.

– Ясный перец, – понимающе кивнул Валера. – Сколько?

– Тысяча шестьсот пятьдесят, – обнаглел я почти до предела, но кое-какой запасец нахальства еще остался, поэтому я обескураженно развел руками и соболезнующе вздохнул: – Только этот шкаф уже продан. За ним вот-вот должны приехать.

Валера не согласился с предложенной версией:

– Если шкаф стоит здесь, то ни хрена он не продан. Я плачу штуку семьсот и забираю. Станет клиент возникать – ссылайся на меня, я отвечу.

Колебался я недолго. От неведомого Геворкяна, если таковой и обнаружится, мне радости мало: он, памятуя утвержденную Москвой цену, заплатит тютельница в тютельница. Вот пусть и берет белую «Текну». Чернякову, по большому счету, все равно, чьи деньги я ему вручу в конце отчетного периода.

– Ну? – поторопил меня Валера. – Грузовик вызывать?

Из бездонного кармана его желтого пальто вынырнул мобильный телефон с выжидательно торчащей антеннкой. Я завидовал Валериному напору и решительности, с которой он настаивал на своем. Одного я не понимал: какой же он бизнесмен, если совершенно не умеет торговаться? Оказалось, тут я ошибался. Дождавшись моего утвердительного кивка,

Валера безапелляционно заявил:

– Только этого рака я забираю бесплатно. В качестве презента от фирмы.

– Это лобстер, – вежливо уточнил я.

– А мне похрен, – признался Валера. – Для меня главное, чтобы вещь нравилась.

Интересно, каким своим новым приобретением он был доволен больше: дорогушим холодильником или грошовой игрушкой?

Я сразу опознал Геворкяна в приземистом чернявом посетителе с аккуратной бородкой и томными глазами навыкате. Он нарисовался перед самым закрытием, когда Серега был отпущен к жене с малюткой дочуркой, а я после трудов праведных баловался кофейком и докуривал вторую пачку сигарет.

Геворкяном он был с ног до головы, и даже белое легкое кашне под кремовой дубленкой говорило об этом. Надменный и важный, как полномочный посол иностранного государства, вошел он в зал, сопровождаемый стайкой юрких молодых людей, походивших в своих черных плащах и куртках на оживленных ворон.

– Гыр-гыр-гыр, – переговаривались они на своем языке, еще больше усиливая сходство с вороньей стаей.

– Ты Игорь, да? – спросил Геворкян с едва уловимым южным акцентом.

Отпираться я не стал. Но на всякий случай пожелал знать, чем обязан.

– Я Геворкян. – Он сказал это с таким превосходством в голосе, словно произнес не фамилию, а дворянский титул.

– Очень приятно. – Только теперь, допив кофе, я соизволил встать и сделать шаг навстречу посетителю. Небольшой такой шажок, единственный. Дело было в плохо скры-

ваемом презрении, которое проявляли эти ребята ко мне, представителю великого русского народа. Это неправильно, когда гость ведет себя как полноправный хозяин. И уж совсем обидно, когда настоящих хозяев вообще за людей не считают.

– Тебе из Москвы звонили, слушай? – Волоокий Геворкян смотрел на меня так, словно не я был на полторы головы выше, а он.

– Звонили, – легко согласился я.

– Я принес деньги. Хочу забрать холодильник.

– Вы поздновато пришли, – посочувствовал я, коря себя за то, что профессиональный этикет не позволяет мне тоже перейти на «ты». – Я уже отпустил помощника. Грузить «Текну» некому.

– Мальчики погрузят, – пообещал Геворкян.

Четверо мальчиков, которые в своей жизни вряд ли поднимали что-нибудь более тяжелое, чем запасные колеса от своих автомобилей, согласно загомонили. А я тем временем обдумывал, как бы половчее сбегать Геворкяну белую «Текну». Нетрудно было догадаться, что он любит все блестящее не меньше, чем воронье или «новый русский» Валера.

– И? – этим возгласом Геворкян высказал свое нетерпение. – Так где мой холодильник?

– Вот он, – я указал на оставшуюся «Текну». – Платите и забирайте. Товар даже не распакован, так что с транспорти-

ровкой не будет никаких проблем.

– Конечно, не распакован! – Геворкян засмеялся.

Я тоже вежливо улыбнулся, хотя не понимал причины его внезапного веселья, довольно обидного, между прочим, потому что, прысая, Геворкян глядел на меня как на дурачка. На Иванушку-дурачка.

Чтобы подчеркнуть свое равнодушие к происходящему, я демонстративно посмотрел на часы, но он не обратил на мой жест внимания, он переключился на шкаф «Текна», затянутый прозрачной пленкой и обмотанный скотчем туго, как мумия.

– Э, почему белый, слушай? – Южный темперамент Геворкяна наконец прорвался сквозь невозмутимую маску. – Речь шла о золотистом!

– Нет. – Я уверенно покачал головой. – Черняков сказал, чтобы я отдал вам именно белый.

– Он лично тебе сказал?

– Лично мне.

– Сам Черняков?

– Сам Черняков.

– Тогда ладно, – смирился Геворкян.

Насколько я понял, авторитет коммерческого директора фирмы «Айс» был для него непререкаемым. Если Черняков рекомендовал белый холодильник, то Геворкян покупает белый. Если бы Черняков посоветовал радужную или даже пятнистую расцветку, то и этот вариант был бы принят.

Впрочем, мне было наплевать на эти мелкие странности. Главное, я лихо продал оба шкафа, что называется «с колес», а победителя не судят.

Геворкян еще с полминуты изучал итальянское чудо техники, а когда он развернулся ко мне, в его ловких руках шуршали пересчитываемые купюры, долларовые, но почему-то большей частью мелкого достоинства и такие мятые, как будто ими на базаре за семечки расплачивались.

Потом, переключаясь по-своему, гости выкатывали «Текну» из зала и грузили ее в микроавтобус, а я, словно меня все это не касалось, чинно заполнял под копирку бланки накладных, потребованных Геворкяном для беспрепятственного провоза покупки. Холодильный шкаф якобы возвращался из ремонта, а потому ни стоимость, ни НДС в магазинах не фигурировали. Левые деньги, липовые документы. Бизнес по-нашенски, по-славянски. За каких-то несколько часов он принес мне ни много ни мало 400 долларов навару, и я полагал, что это весьма знаменательный день в моей жизни.

Так оно и было, если разобраться. Хотя, как выяснилось вскоре, я очень и очень недооценивал значение произошедших событий.

Тем вечером я не бросился на поиски вредной домохозяйки, размахивая деньгами и требуя возврата своих шмоток. Все равно, если верить ее угрозе, мое место было занято чужаком, а искать новое пристанище было поздно.

Я трижды пересчитал доллары, ласково отделяя купюру за купюрой от общей стопочки, удостоверился, что все сходится, и стал устраиваться на ночь в большом и пустынном зале выставочного центра. Для начала отключил все работающее оборудование, чтобы избавиться от тихого, но навязчивого гудения компрессоров и люминесцентных ламп. Потом снял со стены немнущийся итальянский флаг, которым можно было хоть как-то укрыться за неимением уютного пледа, и занес топчан в холодильную камеру. Пока не был подключен соответствующий моноблок, нагнетающий холод, в семикубовой камере было значительно теплее, чем в плохо отапливаемом зале со сквозняками, рыскающими из угла в угол.

Топчан, на котором можно было вытянуться во весь рост, Серега похитил из вестибюля Дворца молодежи «Юность», где мы арендовали одноэтажное правое крыло с отдельным входом. С тех пор нерабочая холодильная камера превратилась для нас в подобие комнаты отдыха. Здесь можно было вздремнуть после бессонной ночи, а еще женатый Серега использовал помещение для тайных свиданий со своими мно-

гочисленными подружками. Бурные встречи происходили на том самом топчане, который находился теперь подо мной, но я-то лежал на нем совсем один, и мне было ужасно одиноко. К тому же заработанные американские доллары грели меня ничуть не лучше, чем итальянское трехцветное знамя из искусственного шелка. Согреваться же русской водкой не хотелось – я прекрасно знал, что лед на сердце ею не растопишь, пробовал.

Я не всегда был так одинок. И семья имелаась, и друзья, и собственное дело. Все было да сплыло, вернее, утонуло в болоте всеобщих рыночных отношений. Банальная и скучная история, которую мне давно уже не хотелось вспоминать. У каждого крах случается по-своему, а конец всегда один: неприкаянные ночи и бесцельные дни. В таком вот упадочническом настроении я сомкнул веки, а потому снилась мне всякая дрянь и мерзость, так что вряд ли я почивал с блаженной улыбкой на устах.

Очередное пробуждение было таким же безрадостным, как и все прочие за последние несколько лет. Осторожно проникнув в здание Дворца молодежи, я прокрался в туалет и совершил там утреннее омовение. Это только на бумаге арендуемое крыло здания числилось отдельно стоящим, на самом деле между выставочным центром и Дворцом молодежи имелаась неприметная дверь, к которой у нас с Сергей были подобраны ключики. Наше праздничное по чужой территории вахтерами не приветствовалось, но мы на-

учились обманывать их старческую бдительность и даже изредка пробирались в плавательный бассейн, когда там было мало народу.

В этот раз мне резвиться в хлорированной водичке абсолютно не хотелось. Я взбодрился парой чашек крепчайшего кофе, подымил как следует, а когда здоровье было должным образом подорвано, от нечего делать пошел открывать наружную дверь, чтобы за полчаса до начала рабочего дня выставить у входа рекламные щиты с логотипом «Айс». Считалось, что это непотопляемый айсберг в океане. Мне же картинка напоминала жалкий осколок льда, обреченный растаять на общем оптимистичном фоне. Точно так же, как это произойдет однажды со мной.

– Оба-на! Наконец-то нарисовался!

Торжествующий рык означал, что кому-то я еще очень нужен в этом большом неуютном мире. Подняв глаза, я обнаружил перед собой внушительную фигуру в замшевом кожаном халате. Парнягу я узнал по одежке и гренадерской стати, а не по среднестатистической физиономии – это был один из вчерашних Валериных холуев, которые числились при нем какими-нибудь телохранителями. Представитель ночного клуба ценителей золотистых кондитерских шкафов.

– Привет, – без воодушевления поздоровался я. В душу закралось подозрение, что «Мистер Икс» решил расторгнуть сделку и моя радость по поводу легких денег оказалась преждевременной.

Валерин посланник поспешил рассеять мои сомнения.

– Не фурычит твой агрегат, – заявил он так угрюмо, словно являлся тем самым тортом, который испортился по моей вине.

– В розетку-то включали? – спросил я со слабой надеждой, что сейчас он хлопнет себя по лбу и умчится с глаз долой исправлять досадную оплошность.

– Ты не умничай, – предупредил парняга. – Я слишком умных не люблю.

В этом не было ни малейших сомнений. Стараясь ненароком не задеть парнягу чересчур мудреными оборотами речи, я успокаивающе заговорил:

– Я позвоню нашим мастерам по сервисному обслуживанию, и они все наладят. Для них это пара пустяков.

Я не очень-то верил своим словам. Исправные «Текны» включаются элементарно, как утюг. Если из Москвы мне прислали бракованный экземпляр, то с четырьмя сотнями баксов все-таки придется расстаться.

– Мастеров не надо, – отмахнулся посланник «Мистера Икс». – Валера сказал тебя привезти. Конкретно.

– Живого или мертвого? – попытался пошутить я.

– Все равно какого.

Шутка не удалась. Пытаясь найти выход, я стал объяснять, что в технике ни бум-бум, что без специалистов запустить «Текну» все равно не удастся, но Валерин двухметровый паж призывного возраста все мои доводы отметал протестующи-

ми взмахами башки, походя при этом на молодого бычка, отгоняющего назойливых слепней.

— Валера сердится. Очень. — Вот и все, что я услышал в ответ на свои увещевания.

Я сдался и пошел за спортивной сумкой, в которой хранились нехитрые причиндалы для распаковки и сборки оборудования. Не верилось мне, что я сумею реанимировать холодильник. Из всех инструментов за время работы на фирме «Айс» я приучился орудовать разве что разнокалиберными отвертками да гаечными ключами, которые пускались в ход, когда приходилось отвинчивать витрины от сосновых поддонов.

Мог ли выручить меня в создавшейся ситуации даже самый здоровенный гаечный ключ? Я сильно в этом сомневался.

Валера действительно меня ждал и действительно выглядел сердитым. Вообще-то, судя по его виду, он ночь напролет куролесил в своем заведении, не выспался и теперь был зол на весь мир. На меня – в первую очередь.

– Ты что, блин, мне подсунул? Лоха нашел, да?

Валерины глазки так и сверкали над набрякшими сизыми мешками. Он принимал меня в личных апартаментах, одетый прямо-таки со спартанской простотой: ядовито-зеленое банное полотенце, обмотанное вокруг чресл, плюс шлепанцы. Наверняка недавно плескался в джакузи. А вот насчет золотого жгута на шее я вчера ошибся. Это была сравнительно тонкая цепочка с крестиком. Но христианского милосердия распятие обладателю не придавало. Пришлось мне спешно выстраивать правильную линию самообороны.

– Вы же сами видели, – я как можно непринужденнее пожал плечами, – что холодильный шкаф совершенно новый, упакованный. Надо было договориться насчет установки, и тогда...

– Надо было, – согласился Валера. – Что ж ты тогда не предупредил заранее?

Это был резонный вопрос. Если бы не неожиданное богатство, свалившееся на меня, я бы ни за что не забыл про эту очень важную деталь. А теперь оставалось лишь неуклю-

же изворачиваться:

– Я думал сделать это сегодня. Кто подключает оборудование на ночь глядя?

– Я! – рявкнул Валера. – Я подключаю! Хотел похвастаться вчера дружбанам обновой, а ты мне праздник испортил!

Пока он орал, я скользнул взглядом по интерьеру и обнаружил весьма настораживающую деталь: останки игрушечного лобстера, прихваченного Валерой в качестве презента, валялись у его ног, напоминая о бренности всего земного. В том числе – и приятных отношений с малозначительными представителями иногородних фирм.

– Понимаете, – начал было я, но Валера меня перебил:

– Хочешь, чтобы я тебя понял, чтобы вошел в твое положение, да? Но тогда и тебе придется войти в мое: сегодня в бар завозят партию тортов, а выставлять их где? Тебя с подносом поставить? Или убытки на тебя повесить?

– Я пришлю мастеров, и все будет в порядке, – гнул я свою линию, никак не реагируя на эти провокационные предложения, плавно переходящие в один сплошной наезд. – За чисто символическую плату они...

– Ни копейки больше не заплачу! – Валера даже пристукнул по столу кулаком от избытка чувств, заставив испуганно подпрыгнуть чашечку с остывшим кофе. – Ты бабло получил? Получил! Теперь действуй. Чтобы через час твой долбаный шкаф функциклировал как часики. Время пошло. По-ал?

Некоторые слоги он просто ленился выговаривать, считая их лишними. Но я был не учителем изящной словесности, а региональным представителем фирмы, отвечающим за бесперебойную работу проданного оборудования. Если кто не знает, то это то же самое, что козел отпущения.

– Топай! – подогнал меня очередной хозяин положения. – Вадюля, проводи!

Вадюлей звали доставившего меня парнягу. Получив приказ, он ухватил меня за плечо, развернул и подтолкнул к выходу. Хорошо еще, что руки за спину не стал заламывать! Обитатели клуба «Мистер Икс» не желали слышать никаких оправданий, заверений и торжественных обещаний. Они хотели одного: чтобы вложенные ими деньги начали окупаться сию минуту. И что я мог на это возразить? Покупатель всегда прав, особенно, если это какой-нибудь Валера, который погоняет десятками здоровенных вадюль.

Занятый этими невеселыми размышлениями, я не заметил, как очутился в огромном высоченном зале – бывшем кинотеатре, переоборудованном в молодежный храм, именуемый дискотекой. Тут было уже тихо, темно и пусто, но воздух еще хранил экзальтацию минувшей ночи со всеми ее мизмами, среди которых преобладал стойкий запах пота, отчего казалось, что находишься в исполинской раздевалке.

Мягкое ковровое покрытие приглушало наши шаги. Запоздалая парочка, устроившаяся на полу между столами в углу, не услышала нашего приближения или просто не об-

ратила внимания на подобные пустяки. Приблизившись, я с изумлением обнаружил, что эти двое мирно спят. Если бы они валялись под забором, их наверняка посчитали бы пропойцами. А так они принадлежали к элитной молодежи, щедро платя за право надираться в самом дорогом заведении Курганска. Лично я позволил себе появиться здесь впервые. И никакого желания продолжать знакомство с клубом «Мистер Икс» у меня не было, я просто подчинялся необходимости.

– Налево, – скомандовал Вадюля. Он шел немного позади, как конвоир. От этого я волей-неволей ощущал себя пленником.

Поднырнув под тяжелые портьеры, мы оказались в длинном, плавно изгибающемся коридоре со стенами, обтянутыми изумрудным шелком. В конце его и обнаружился вход в бар, впечатляющий обилием мрамора, полировки, зеркал и позолоты. Нерабочая «Текна» сиротливо приткнулась в углу, как бедная родственница, не оправдавшая возложенные на нее надежды богатого окружения. Даже ее броский колер выглядел теперь каким-то поблекшим и унылым.

– Вот смотри, – сказал Вадюля таким тоном, словно предлагал полюбоваться подложенной лично ему свиньей. Дохлой.

Я развернул шкаф на скрипучих колесиках и принялся безрезультатно щелкать рычажком включения и манипулировать колесиком терморегулятора. С таким же успехом мне

можно было поручить запуск космического спутника.

— Осталось пятьдесят минут, — злорадно сообщил Вадюля, перетаптываясь рядом.

— А потом?

— А потом подвал.

— И что в подвале?

— Узнаешь. — Вадюля растянул губы в многообещающей ухмылке. — Мало не покажется.

Я на всякий случай прикинул его весовую категорию. Получалось ого-го сколько! Не меньше, чем у злополучного шкафа «Текна» с его двойными стеклопакетами, металлическими ребрами, полками и компрессором. Подвели меня неведомые итальянские мастера, ох как подвели! Захотелось достать из сумки что-нибудь поувесистее и разнести это чудо дизайна вдребезги.

Верно вчера Валера выразился: гроб с музыкой. Она называлась реквием. Золотистый саркофаг предлагал мне похоронить все надежды на благополучное разрешение конфликта.

Ненадолго отлучившийся Вадюля возвратился в еще более приподнятом настроении, чем то, которое владело им до сих пор.

– У тебя еще полчаса, – сообщил он, энергично булькая пивом и чавкая гамбургером. – Если не уложишься, будем из тебя отбивную делать.

А я, голодный и невыспавшийся, был вынужден корячиться под бдительным оком своего надзирателя, изображая трудовой подъем! Вот она, эксплуатация человека человеком, вот он, звериный оскал капитализма!

Пока я, проклиная денежные отношения вместе с рыночными, пытался вдохнуть жизнь в спящую красавицу по имени «Текна», Вадюля все больше наливался азартом предстоящей расправы. С гамбургером уже было покончено, и теперь он развлекал себя прочими доступными способами: звучно отрывивал, давал идиотские советы, отсчитывал минуты, один раз даже своим тупорылым башмаком мне на руку наступил.

Жизнерадостный дебил с детским лицом и телосложением молотобойца.

Отчего-то мне вспомнились армейские годы, когда меня, салажонка, впервые «бросили на полы», как это называлось. Я драил куском байкового одеяла цементное покрытие

необъятной столовой, а «дедушка» с первым пушком под носом точно так же топтался вокруг и подгонял, подгонял. Сапоги у него были грязнящие до невозможности, поэтому все мои старания пропадали даром. И подошвами своих грязных сапог безусый «дедушка» норовил наступить на мои онемевшие от ледяной воды пальцы. Помнится, тогда, доведенный до яростного отчаяния, я выпрямился и надел ведро на голову своего мучителя. Стоило мне это двух поломанных ребер и свернутого набок носа, но до свадьбы все зажило. Главное, тогда, будучи забитым и запуганным новобранцем, я нашел в себе мужество встать во весь рост. А теперь? Покорно дожидаться, пока переросток Вадюля начнет подбадривать меня пинками в зад?

Нет! Пятнадцать лет спустя я снова сцепил зубы и распрямился.

– Ну, ты! – Вадюлин голос уже приобрел те самые нотки, которые принято называть командирскими. – Отдыхать потом будешь, а сейчас паши, пока не...

Вадюля запнулся. Сначала он заметил в моей руке гаечный ключ, которому я впервые за все утро нашел достойное применение. Потом его глаза встретились с моими, и он окончательно понял, что означает моя поза.

Здоровенного парнягу это не остановило, напротив, подтолкнуло к ответным действиям. Он привык действовать нахрапом, он был моложе, сильнее и весил, минимум, на тридцать килограммов больше. Жалкий гаечный ключ в моем ку-

лаке никак не мог уравнивать наши шансы.

– Ты что, не понимаешь, где находишься?

– Понимаю. В ночном клубе, куда принимают на работу кого попало. Например, ублюдков вроде тебя.

– Да я...

– Ты просто мальчик на побегушках с глупой детской кличкой. Ноль целых шесть десятых.

– Урою! – истово пообещал Вадюля, драматически возвышая голос и делая шаг вперед.

– Попробуй. – Я удивился тому, как ровно звучит мой голос.

Вадюлю не насторожило мое поведение. Он находился на своей территории, где действовали особые законы, по которым всякую пришлую шелупонь, вроде меня, можно было безнаказанно размазывать по стенкам, гноить в подвалах или даже закатывать под асфальт. Моя строптивость его не только разозлила, но и обрадовала. Он заметно просветлел лицом в предвкушении предстоящей расправы. Смерил меня плотоядным взглядом и, сверившись с часами, торжественно провозгласил:

– Хана! Твое время вышло! Ща я тебе рога пооблома-а-аю!

Еще один шаг в моем направлении. Я знал, что сейчас произойдет. Прикинул все свои шансы и, вызвав на лице Вадюли глумливую усмешку, выпустил из разжавшихся пальцев бесполезную железяку. Вовремя. В дверном проеме за

Вадюлиной спиной возникла женская фигура, привлеченная его громогласными угрозами. Наверное, та самая сердобольная работница кухни, которая пичкала парнягу гамбургерами. Выкормила на мою голову!

– Вы бы не мешали работать, молодой человек, – возмущенно произнес я, играя на публику, о присутствии которой Вадюля не подозревал.

Похоже, обращение «молодой человек» задело его похлеще любого ругательства. Неужели он считал себя не молодым? Или не человеком?

Закончить эту мысль я не успел. Рывкнув от негодования и натуги, Вадюля метнул свой объемистый кулак вперед, метя мне в лицо.

Я ждал этого момента, ловил его. Когда Вадюля еще только начинал свой богатырский замах, я обхватил гладкие бока «Текны», и узкий высокий шкаф покатился на своих писклявых колесиках прямо навстречу удару. Грохот получился впечатляющий. Но еще до того, как стеклянные осколки дружно посыпались на пол, все перекрыл рыдающий Вадюлин вопль:

– У-уй, бля!!!

Тут любой заголосил бы благим матом. Кулак прошиб двойное стекло дверцы и снес центральную стойку вместе со всеми круглыми полочками, рухнувшими вниз. Очень шумное, очень эффектное зрелище.

– Девушка! – окликнул я оцепеневшую зрительницу. – Зо-

вите руководство! Этот пьяный придурок сейчас все здесь разнесет вдребезги!

Ойкнув, она исчезла в дебрях ночного клуба.

– Гад! Вот же гад!..

– Сам напоролся. – Я пожал плечами. – Кто виноват, что ты вдруг разбушевался? Припадочных в роду случайно не было?

Вадюля с мучительным стоном опустился на колени. Здоровой рукой он бережно придерживал искалеченную и таким образом постепенно извлекал ее из зубчатого пролома. Мелкие осколки весело бренчали на протяжении всей спасательной процедуры. А когда рука оказалась снаружи, все днище изуродованного шкафа было покрыто кровавыми потеками. Теперь «Текна» стала не просто нерабочей, теперь это был вообще никакой не холодильник. Меня это вполне устраивало.

Вадюля жалобно вскрикнул, извлекая из руки самый большой осколок, изогнутый, как стеклянный ятаган.

– Больно? – посочувствовал я. – Ничего, сейчас шеф тебя вылечит.

Валера был легок на помине. Он шагал к нам так порывисто, что, не смени он своевременно полотенце на костюм, быть бы ему голым.

– Дыхни! – приказал он и, шумно втянув носом опасно выпущенную Вадюлей струйку воздуха, зажмурил глаза.

Я уж испугался, что он грохнется в обморок, сраженный

этой гремучей смесью гнильцы и тухлятины, но Валера не только устоял, но даже обрел удвоенную энергию.

– Пивком с утраца балуемся?! – проревел он, занося карающую длань.

Тресь! – обрушилась оплеуха на повинную голову денщика. Хрясь! – отозвалась подставленная щека под хозяйской ручищей. Но этого оказалось мало для выхода ярости, переполнявшей Валеру. Озирнувшись в поисках следующего подходящего объекта, он азартно вскрикнул и без видимого усилия с грохотом опрокинул многострадальную «Текну» на пол, довершая ее бесславный конец.

– Мне этот утиль не нужен! – бушевал Валера. – Я новый холодильник хочу, непокоцанный! И ты, сучара, – указующий перст ткнулся в побелевшее Вадюлино лицо, – ты мне точно такой купишь. Хоть у этого, – палец переметнулся на меня, – хоть у любого другого хрена с бугра!

По завершении тирады указательный палец Валеры присоединился ко всем остальным, и образовавшийся кулак саданул денщика по скуле. Тот даже не попытался отшатнуться. И все смотрел на меня ищущим взглядом. Я медленно покачал головой:

– Ничем не могу помочь. Только под заказ. Поставка в течение двух месяцев.

– Слышал, Валера? – подал робкий голос Вадюля. – Я бабки хоть сегодня соберу и отдам. Но где ж я...

– Не колышет! – отрезал Валера.

Челядь, наблюдавшая за происходящим из всех щелей, мигом попряталась кто куда, когда мрачный Валера зашагал восвояси. Верный денщик униженно засеменил следом, надеясь вымолить хозяйское прощение. А я стоял как истукан и смотрел на останки золотистого чудо-шкафа. Нижняя панель при падении отвалилась, и теперь даже я, полный профан в холодильном деле, сообразил, почему не работал компрессор. Потому, что его не было и в помине. Вместо него в нутро шкафа был запихнут черный полиэтиленовый пакет размером с хорошую подушку.

С помощью отвертки я надорвал уголок и поинтересовался содержимым. В свертке обнаружились пакетики поменьше, туго наполненные скрипучим белым порошком. Я бы очень хотел, чтобы это оказалась мука или сода, но рассчитывать на это не приходилось. Килограмм этого порошка стоил неизмеримо дороже муки самого высшего качества. За одну его щепоть люди отдают свои жизни и забирают чужие. И как только я окончательно осознал, какой именно товар случайно попал в мои руки, мне сразу вспомнился обманутый Геворкян, отчего внутри у меня произошло резкое похолодание.

Запихнув пакет в сумку, я поспешил прочь, надеясь, что еще не поздно исправить свою катастрофическую ошибку.

Глава 2

1

Покинув негостеприимный ночной клуб, я направился к проезжей части, машинально отметив про себя, что походка моя стала неуверенной, а повадки – вороватыми. Когда на меня пристально посмотрел случайный прохожий, мне захотелось бросить сумку и бежать сломя голову куда глаза глядят. Даже без выброшенных инструментов она весила прилично. Тянула лет на пятнадцать строгого режима...

Я никогда не употреблял наркотиков, но подобных мешочков, набитых белым, навиделся достаточно. Во всех видеобоевиках они выглядели именно так, будь то хоть кокаин, хоть героин, без разницы. Предположить же, что кто-то припрятал в «Текне» килограммов двадцать тальковой присыпки для Геворкяна, было бы наивно. Этот вальяжный бородатый мужчина давно вышел из того возраста, когда страдают детской потницей. И Черняков у себя в Москве вовсе не случайно озаботился столь незначительной сделкой, как продажа одного несчастного холодильника.

С сумкой, доверху набитой наркотическим грузом, у меня оставался только один путь – напрямик в выставочный центр. Я желал как можно скорее вернуть товар тем, кому он

принадлежал. Наверняка Геворкян с соплеменниками уже дожидался меня, чтобы высказать пылкое возмущение по поводу навязанной ему белой «Текны». Я торопился удовлетворить его обоснованные претензии.

Подобравший меня молоденький водитель предложил положить сумку в багажник, но я решительно отказался и умолил ее на колени, держась за ручки обеими руками. Кашей Бессмертный, помнится, плохо оберегал иголку, спрятанную в яйцо, за что и поплатился. Я же любил жизнь, что само по себе и не ново. И в настоящее время можно было надеяться сохранить голову на плечах, только доставив содержимое сумки по назначению.

Высадившись у высокого пандуса, ведущего к входу в центр, я настороженно огляделся. Против ожидания, в округе не наблюдалось засад или сторожевых постов. Никто не оглашал зимнее утро воинственными гортанными криками, никто не потрясал оружием и не обещал вырезать весь мой род до седьмого колена. Военные действия еще не начались.

Я немного успокоился. Разумеется, Геворкян еще вчера обнаружил пропажу и скорее всего немедленно связался с Черняковым. Тот заверил, что груз передан по назначению, но такой-сякой региональный менеджер все напутал по врожденной тупости, а поэтому не стоит бить тревогу раньше времени. Достаточно с утра поменять один холодильный шкаф на другой, и все уладится. Мол, непредвиденная случайность. Вот только если бы кто-нибудь покопался в «тек-

новском» нутре до моего вмешательства, то эта случайность могла бы стать роковой. Лично для меня.

Оказалось, я не ошибся в своих предположениях. Первое, что я обнаружил при входе в центр, это тот самый белый холодильник, который я сбавил вчера вечером. Привет от обманутого клиента. Жест доброй воли. Он возвратил то, что взял по недоразумению. Теперь настала моя очередь исправлять ошибку.

– Привет! – при моем появлении Серега моментально оторвался от компьютерного монитора. Обычно, чтобы выйти из виртуального транса, ему требовалось не меньше пяти минут.

– Привет. Были посетители?

– Ага. Какие-то хачатуряны. Я только дверь открываю, а они тут же следом. Выгрузили «Текну», которую ты им вчера втюхал, и стали требовать другую, ту, бронзовую. Я говорю: отгружена. Они: как отгружена, кому? Расшумелись, как на базаре. Я сказал, что продавал ты, а кому – мне неизвестно.

Серега умолк, пытаясь по моему лицу угадать, правильно ли он поступил. Я кивнул: все в порядке, продолжай.

– Ну вот, – Серега оживился. – У них за главного бородастый такой, лупатый. Он велел тебе передать, что вернется ровно в двенадцать. Предупредил, чтобы ты к этому времени достал ему обещанную «Текну» хоть из-под земли. Если тебе придется выплатить неустойку, то он готов возместить расходы. Но подавай ему только золотистый шкаф. Как буд-

то на нем проба проставлена.

– Угу, – кивнул я. – Дороговато мне обходится эта штука-вина. Головной боли не оберешься. Спасибо господину коммерческому директору.

– Он, кстати, звонил, – вспомнил Серега, явно озадаченный моей туманной тирадой. – Несколько раз. Велел срочно с ним связаться.

– Перебьется твой Черняков.

– Почему мой?

Я не стал объяснять, что моя карьера в фирме «Айс», по всей видимости, подошла к концу. Зачем Сереге мои проблемы?

– Что-то случилось? – он присматривался ко мне все внимательнее.

– Ничего не случилось.

Мне очень хотелось добавить: «пока», но я сдержался. Пристроил влажную от снега сумку на топчан, сам уселся рядом.

– Чем это она набита? – поинтересовался Серега.

– Героином. – Я растянул губы в гримасе, которая должна была означать улыбку.

Он понимающе ухмыльнулся в ответ:

– Заделался наркокурьером?

Я не поддержал шутку. Ничего веселого в своем положении я не находил. Чем больше я думал про назначенную встречу, тем меньше верил в то, что она завершится благо-

получно. Место вокруг нашей выставки пустынное, безлюдное. Покупатели не занимают с утра очередь в нетерпеливом ожидании новых партий поставляемого оборудования. Мало кто забредает в наши края от нечего делать. А Геворкян и его команда – не те люди, с которыми хочется общаться в укромных уголках. Чем закончится наш разговор? Как я буду объяснять, почему в наличии имеется не сама «Текна», а лишь вскрытый пакет? Делать вид, что я понятия не имею о его содержимом? Давать страшные клятвы, что буду молчать до гроба? Гораздо надежнее упрятать меня в этот самый гроб, чем оставлять в живых невольного свидетеля сложных взаимоотношений Москвы и Курганска.

Все больше меня привлекала идея устроить все таким хитрым образом, чтобы в руки Геворкяна попал пакет, а не я сам. После чего мне останется залечь на дно и не высовывать нос на поверхность, пока вся эта история не позабудется, пока не уляжется поднятая мной наркотическая пыль. Поскольку порошок будет возвращен, меня вряд ли станут искать чересчур уж рьяно. Отсижусь где-нибудь. Тех денег, которые хранились у меня в кармане, в маленьком городишке должно было хватить надолго – нельзя сказать, что я увольнялся из фирмы без содержания. Чтобы обосноваться на новом месте, следовало лишь немедленно рассчитаться с вредной домохозяйкой и завладеть паспортом. На эту неприятную процедуру почти полутора часов, оставшихся до полудня, хватало с лихвой.

– Вот что, Серега, – сказал я, глядя в пол. – Я понятия не имею, сколько этих орлов понаедет, и не желаю объясняться со всей их оравой. Ровно в двенадцать я буду ждать Геворкяна у главного входа во Дворец. – Вспомнив, как многолюдно бывает там днем, когда родители приводят своих чад на плавание, я удовлетворенно кивнул и повторил: – Да, у главного входа. Пусть явится один, если хочет получить свое имущество. Без провожатых. Понял?

– Ничего я не понял, – честно признался Серега.

– Неважно. Это даже хорошо. Ты главное не забудь передать мои слова Геворкяну. В двенадцать. У центрального входа. И не поминай лихом.

– Ты что, уезжаешь?

– Много будешь знать – скоро состаришься. Все, Серега, тема закрыта. Гуд бай.

Оставив своего бывшего помощника на посту, я, волоча за собой ненавистную ношу, отправился на свидание с бывшей домохозяйкой. Я и сам вдруг почувствовал себя бывшим. Вся моя размеренная жизнь вдруг оказалась в прошедшем времени. В далеком-далеком прошлом.

– Это я, Анна Ильинична. Откройте.

– Игорек?

Надо же, какие нежности! Хозяйкины глазки за приоткрытой дверью озаарились неподдельной радостью – не моему визиту, а деньгам, которые я, по ее разумению, принес. Но дверь осталась на цепочке.

Ей явно не терпелось просительно высунуть ладошку за приношением, но в то же время она опасалась, что я ее мигом оттяпаю, ладошку-то. Без опеки участкового эта карга вела себя гораздо сдержаннее, скромнее. И голосок у нее вдруг прорезался сладенький-пресладенький, настолько приторный, что она, наверное, с трудом разлепила губы, когда решила поинтересоваться:

– Неужто денежки принес, Игорек?

– Принес, – неохотно признался я. – Мой паспорт у вас?

– Так я его на квартире оставила. Вещички твои в кладовку определила, а паспорт сунула в пиджак. Во внутренний кармашек.

Похоже, она ожидала многословных изъявлений благодарности за свои старания, но время поджимало, и мне некогда было заниматься китайскими церемониями.

– Давайте ключи, Анна Ильинична, и получите свою сотню. Только побыстрее, пожалуйста. Я спешу.

Она попробовала выклянчить доплату за полмесяца, но я был сух и категоричен:

– Больше денег у меня нет. И я заберу не все. Паспорт, кое-какую мелочь. Остальное оставляю в залог наших доверительных отношений.

Я сунул в хозяйкину лапку стодолларовую купюру. Лапка исчезла и возникла снова, уже со связкой ключей.

– Там теперь новый постоялец, – предупредила домохозяйка. – Ему ключики и оставишь.

Сверившись с часами, я погнал извозчика к месту своего недавнего проживания. Двадцать минут туда, десять – на недолгие сборы, еще столько же на обратную дорогу во Дворец молодежи. Я успевал. Даже с небольшим запасом.

Дверь, которую я привык считать своей, открылась без скрипа. Теперь за ней обитал незнакомый мне тип, охарактеризованный домохозяйкой как очень приличный молодой человек. На самом деле ему было за сорок.

Я увидел его сразу, как только захлопнул за собой дверь и обутым протопал в направлении кладовки. Он сидел за кухонным столом совсем по-домашнему – в спортивных штанах и майке салатного цвета. Сидел, откинувшись на спинку стула и заведя руки за спину. Одна половина его лица была перепачкана кровью, и те же самые бурые пятна покрывали его плечо и безволосую грудь. А в левой глазнице квартиро-съемщика торчал черенок вилки, одной из тех, посредством которых я еще недавно с аппетитом уплетал жареную кар-

тошечку или магазинные пельмешки. Я подумал об этом, и меня чуть не вывернуло наизнанку.

Уж понятно, это не был несчастный случай. Даже если бы постоялец случайно пронес вилку мимо рта, он не смог бы вонзить ее себе в глаз с такой силой. Кроме того, он вовсе не трапезничал, когда с ним произошло несчастье. Во-первых, на столе не наблюдалось ничего более съедобного, чем пустая бутылка из-под портвейна да пепельница, полная вонючих окурков. Во-вторых, рот убитого был надежно заклеен скотчем, а руки связаны за спиной.

Даже не будучи экспертом судебной медицины, я легко определил признаки насильственной смерти. Догадался также, что обнаруженный мной труп не самой первой свежести. Хладнокровно заключив это, я бегом отправился в уборную – меня вывернуло наизнанку.

После этого мне сразу перехотелось разглядывать покойника и я сосредоточился на месте преступления. До моего появления в квартире был произведен торопливый обыск. Все было перевернуто вверх дном, вещи в единственном шкафу перерыты и сброшены на пол. Сунувшись в кладовку, я и там обнаружил последствия погрома. А в моем единственном пиджаке никакого паспорта не обнаружилось. И это открытие заставило меня обессиленно привалиться к стенке.

Злоумышленники могли, конечно, прихватить паспорт мимоходом, преследуя какие-то свои преступные цели. Но

мне представлялась совсем иная картина. Я был почти убежден в том, что в квартире искали московский гостинец, не попавший по назначению. Адрес узнали из личной анкеты, хранящейся в столичном офисе, куда у Чернякова имелся доступ в любое время суток. Разузнав координаты, бросились на поиски сотрудника, который нарушил распоряжение коммерческого директора и обманул доверившегося ему Геворкяна. Точнее говоря, преследовали меня по горячим следам, заподозрив коварный умысел в моих действиях. А когда выяснилось, что по этому адресу проживаю не я, на всякий случай уколошили постороннего мужчину, который видел налетчиков в лицо. Возможно, вилку в глаз ему воткнул Геворкян собственноручно, деликатно отстранившись при этом, чтобы не испачкать кровью свою светлую дубленку.

Лишь после этого его горячая кровь охладилась до температуры, при которой возможен трезвый расчет. Он еще раз созвонился с Черняковым, и партнерами было принято решение дожидаться утра, когда можно будет спокойно заменить один холодильник на другой. Но меня утром на рабочем месте не оказалось, я находился в ночном клубе «Мистер Икс», куда был доставлен чуть ли не под конвоем. И тогда была назначена встреча, которая должна произойти через...

Я взглянул на часы. Времени оставалось в обрез. Водитель, получивший щедрое вознаграждение, ждал внизу, но все равно следовало поторапливаться, если я не хотел, чтобы

уроженцы южной республики потеряли терпение и взялись за кинжалы. Или за вилки.

Динь-дилинь!

Неожиданный звонок заставил меня вздрогнуть, как будто этот короткий электрический разряд пропустили через мое тело.

Ди-ли-ли-ли-линь!

Так бесшумно, как не смог бы проделать и кот, я прокрался в своих тяжелых ботинках к входной двери и прислушался. Это могла быть домохозяйка. Или ее знакомый участковый. Или кто угодно. В любом случае мне с сумкой наркоты ни за что не доказать, что я к трупу за своей спиной не имею ни малейшего отношения. Меня прошиб холодный пот. Сердце заколотилось в груди столь отчаянно, что его стук показался мне таким же громким, как тот, который раздался снаружи.

– Открывай, Эдька! – требовательно голосил невидимый мужчина, тарабанив ладонью по дерматиновой обивке двери.

Я невольно оглянулся на кухню. Мне очень не хотелось, чтобы Эдька встал на зов и явился в прихожую с черенком вилки, торчащей из глаза.

– Эй! – к хриплому голосу присоединился еще один, позвонче, но тоже нетрезвый.

Оба гостя стучали и звонили, звонили и стучали, никак не желая понять, что их здесь никто не ждет, никто им не рад. Истекали драгоценные секунды, минуты, а настырная пароч-

ка все гомонила за дверью, призывно брэнчала стеклотарой и не собиралась ретироваться. Возможно, именно сегодня мертвый Эдька пригласил их отметить новоселье пятью-шестью бутылками старого доброго вина «Агдам». А может быть, приятели явились сами по зову души, желая скрасить невеселое Эдькино одиночество. В любом случае этих мужиков нужно было как-то отвадить отсюда, пока они не подняли на ноги весь подъезд.

– Что надо? – грубо спросил я через дверь.

– Эдик дома?

– В ментовке ваш Эдик, – сказал я злорадно. – На нарах. Желаете составить ему компанию?

– К-как в ментовке? – обеспокоился басовитый. – За что?

– За пьянство и тунеядство. – Я постарался, чтобы мой голос преисполнился праведного негодования. – А вы его собутыльники, надо полагать? Так вы не уходите, вас тоже куда надо определяют. Я это мигом организую.

Тон был выбран мною совершенно верный, интуиция не подвела. Не вступая в дальнейшую дискуссию, Эдькины гости сыпанули вниз по лестнице, даже не воспользовавшись лифтом.

Выждав пару минут, я тоже отправился восвояси. Когда я выходил, глазок соседней двери настороженно темнел, выдавая присутствие прильнувшей к нему соседки. Прежде чем уйти, я подмигнул зрачку дверного глазка. Это уже никак не могло усугубить мое положение. А старушенции будет что

ВСПОМИНАТЬ ДОЛГИМИ ОДИНОКИМИ НОЧАМИ.

Учащенно пыхтя и перебрасывая тяжелую сумку из руки в руку, я на всех парах ворвался во Дворец молодежи, где завертел головой по сторонам с удрученным видом опоздавшего растяпы, тщетно выискивающего взглядом нужный вагон отходящего состава. Но мой поезд ушел. Взрослые фигуры сразу выделялись среди детворы, гомон которой эхом разносился по всему вестибюлю. Среди взрослых не наблюдалось бледных брюнетов с черными бородами. Уже догадываясь, что случилось непоправимое, я обратился к седенькой вахтерше за столом:

– Вы не видели мужчину, такого темноволосого, в кремовой дубленке? Мы должны были здесь встретиться.

– Я много кого за день вижу. – Очки вахтерши неприязненно сверкнули. – Всех не упомнишь.

– Невысокого роста, бородатый, – торопливо продолжал я, выкладывая перед бабулей доллар.

– Кавказской наружности? – уточнила она, немного смягчившись.

– Вот-вот. Кавказской.

– Прохаживался тут один, шибко нервный. Потом на полка-а-ак харкнет – и шасть на улицу. Мог бы и там плевать, сколько душе угодно.

– Вы не заметили, он, случайно, вилку в руках не дер-

жал? – мрачно осведомился я.

– Ась?

– Да это так, шутка.

Резко развернувшись на каблуках, я вышел из здания и стал оглядывать его, еще надеясь, что успею застать горячего Геворкяна в выставочном центре. Не с его темпераментом терпеть двадцатиминутные опоздания. Но причина дожидаться меня у него имелась, причем весьма веская причина. Как сумка, которую я волочил за собой.

По пути я не встретил никого, если не считать пьянчужки, мочившегося за углом, да бродячей своры мелких дворняжек, проводивших меня пронзительным тьяканьем. Дверь в центр оказалась гостеприимно распахнутой настежь. Я осторожно вошел и, не обнаружив признаков постороннего присутствия, поспешно заперся изнутри.

– Серега!

Мне ответила тишина. Только телефон звонил не умолкая, надрывался тоненько в углу. А еще ровно гудело оборудование, исправно гоняя фреоновый холод по своим изогнутым трубкам. Я подошел к щиту и отключил электричество. Когда в помещении не горел свет, снаружи даже ясным днем почти ничего нельзя было разглядеть сквозь годами немытые стекла и вязь сплошной решетки, простирающейся из одного конца зала в другой. Я убедился в этом на собственном опыте, когда, забыв ключи, пытался определить, присутствует ли помощник на рабочем месте. Куда же он подевался

теперь?

– Сергей!

Ответа я опять не дождался. И перестал надеяться на него, когда увидел разбросанные Серегины ноги в противоположном конце зала. Не мог же он просто так улечься на цементный пол за массивным португальским столом для приготовления пиццы! Случилось что-то плохое. После посещения своей прежней квартиры я уже не верил ни во что хорошее.

Я тупо глядел на деревянную обшивку монументального стола, на ноги, высовывающиеся из-за нее. Подошвы были обращены носками вверх, значит, Серега лежал на спине. Отключенное оборудование не холодило, но меня бросило в озноб. Я примерно представлял себе, какой очередной сюрприз меня ожидает.

Телефон назойливо нарушал царящую в зале тишину. Замокчал на несколько секунд, и все начиналось сначала. Стараясь не обращать на него внимания, я медленно направился к лежащему телу, и каждый мой очередной шаг был чуточку короче предыдущего.

Идя по цементному полу, разбитому на квадратики, я на мгновение представил себя пешкой, продвигающейся навстречу неотвратимой гибели.

Каждый квадратик был тридцатисантиметровым – зная это, мы с Сереей без труда вычисляли размеры любого оборудования. Так вот, стол для пиццы, под которым примостился мой помощник, занимал тринадцать таких квадра-

тов, то есть был почти четыре метра в длину. Он был тщательно упакован, но я отлично знал, что представляет собой этот кулинарный агрегат: сплошной мрамор, нержавеющая сталь, специальный пресс и встроенный холодильник. 500 килограммов с лишним. И вся эта махина стояла на том месте, где должна была находиться Серегина голова.

Я стоял над безжизненным телом, смотрел на маленький ручеек крови, набежавший из-под стола, и никак не мог оторвать от него застывший взгляд. А когда это у меня получилось, я понял, что кровь – не самое плохое зрелище на земле. Потому что штаны на Сереге были приспущены. А его успели какое-то время попытать перед смертью. Когда я сообразил, что за обгорелый черный стручок находится перед моим взором, я поспешно закрыл глаза.

Напрасно они его мучили и совершенно зря убили, тошно думал я. Серега ничего не мог рассказать по поводу золотистой «Текны», он вообще был здесь ни при чем.

За один день мне довелось полюбоваться двумя трупами, и оба убитых были отчасти на моей совести. Очень может быть, что осознание этого факта могло бы серьезно травмировать мою психику. Но следующим на очереди был я сам, поэтому по-настоящему ужаснуться я не сумел. Моя душа словно заледенела. Судорожно работала только голова. И она приказывала мне действовать, а не ждать в оцепенении смерти.

Четко повернувшись на сто восемьдесят градусов, я по-

шел прочь от остывающего тела. Шагал я механически, как робот. А внутри меня разрабатывалась программа ближайших действий.

– Куда едем, командир? – лихо осведомился молодой водитель новехоньких «Жигулей» шестой модели.

Его величали Лехой. Ему явно нравилось катать меня, он быстро привык получать вознаграждение за каждый этап пути, и вид долларовых купюр действовал на него возбуждающе.

– Новотроицк знаешь? – осведомился я строго.

– Это тридцатник, – заявил Леха, не раздумывая.

– Баксов? – возмутился я.

– Километров. А долларов – в два раза меньше, командир.

Он упорно называл меня командиром. И мне отчего-то представился тот самый бедолага из песни, который шел под красным знаменем, оставляя за собой кровавый след на сырой траве. Какой уж там бой в подобном состоянии! Хоть ложись да помирай. Страхнув с себя унылое оцепенение, я решительно распорядился:

– Вперед!

В прогретом салоне машины, спешащей в некоем конкретном направлении, я почувствовал себя намного уютнее, чем в пустынном центре, один на один с коченеющим трупом. Если бы не поджигавшее время, я был готов ехать и ехать, лишь бы не оставаться на месте.

Но времени как раз у меня и не было. Сидя на берегу

и дожидаясь погоды, я рисковал вызвать на себя все самые страшные громы и молнии из туч, собравшихся над моей головой. Темпераментные гости казнили Серегу всего из-за каких-то двадцати минут моего опоздания. Они решили, что я наострил лыжи, сбежал вместе с их товаром.

Мог ли я обратиться в милицию? Со своим опасным грузом и показаниями о двух трупах, которые обнаружил ненароком в течение одного дня? Конечно, я мог пойти в милицию. Первым делом меня упекли бы за решетку до выяснения всех подозрительных обстоятельств, а там с энтузиазмом принялись бы лепить из меня какого-нибудь кокаинового магната для показательного процесса. Личину наркобарона мне в этом случае носить недолго. Скорее всего преследователи меня вычислят и прикончат в камере задолго до того, как я успею выучить первые тюремные заповеди. А я не желал умирать. И мне не хотелось знакомиться с правилами внутреннего распорядка следственного изолятора.

Подаваться в бега с чужим товаром, стоившим многие сотни тысяч долларов, я тоже не собирался. Единственным шансом выкрутиться было избежать мести кровожадного Геворкяна. И такая надежда все еще оставалась. В моем кармане лежала копия накладной, выписанной вчера вечером на белую «Текну». А в качестве пункта доставки значился неказистый городок Новотроицк, куда я держал путь.

Правильно ли был указан адрес в накладной? Я рассчитывал на то, что это не фикция. Получателям груза нужно бы-

ло доставить его до места назначения без непредвиденных осложнений в пути, а предположить, что я узнаю про начинку «Текны», они не могли. Обозначенный в документах магазин мог оказаться и мифическим, но Геворкяна все же следовало искать в Новотроицке. Если я и ошибался, то разве имелись у меня запасные варианты?

– Врубить музон? – предложил Леха.

Радость переполняла его. Я завидовал беспечному парню, жизнь которого представлялась легкой и простой, как прямая дорога, за каждый километр которой он получал свои пятьдесят центов. Лично я впервые понял, что поговорка «не в деньгах счастье» не так глупа, как казалось мне прежде. Я с удовольствием променял бы все вырученные деньги на возможность возвратиться во вчерашний день и переиграть все сначала. Но никто не предлагал мне такую сделку – ни сам господь бог, ни сатана. Выкручиваться предстояло самому.

Не дождавшись ответа, Леха настроился на волну «Русского радио», и салон наполнился звуками неувядаемого хита про новый поворот. «Что он нам несет? – ревел хриплоголосый Кутиков. – Омут или брод?» Ответа на эти животрепещущие вопросы он так и не дал, как я ни прислушивался к тексту. Но все же я немного взбодрился и постарался расправить плечи. Не одного меня на этом свете подстерегали проблемы и опасности. И совсем необязательно препятствия на пути бывают непреодолимыми.

В поле разыгралась метель, мы приближались к Новотро-

ищу. Машины тянулись по трассе, как вереницы мамонтов, спешащих засветло покинуть заснеженную равнину. Наша «шестерка» обошла пару автобусов и ворвалась в незнакомый мне городок. Здесь скорость пришлось умерить. То и дело мы были вынуждены притормаживать возле прохожих и спрашивать, как нам добраться до магазина «Оазис». Аборигены не помнили такового и бестолково тыкали пальцами в противоположных направлениях. Когда я уже совсем отчаялся обнаружить коммерческий оазис в зимней провинциальной пустыне, мы наткнулись на него. Случайно. Он стоял на отшибе. Уже начало смеркаться, и магазин, светившийся изнутри теплой желтизной, смотрелся как желанный приют для странников.

Внутри, однако, не наблюдалось особого оживления. Как только я вошел, внимание продавцов переключилось на меня, и было оно настолько пристальным, что мне сразу захотелось купить хотя бы стаканчик йогурта, дабы не обмануть ожидания. Сдержав щедрый порыв, я направился прямым к узкому проходу между витринами, ведущему в лабиринт подсобок и служебных клетушек.

Бдительная девица с неправдоподобно румяными щеками выдвинулась мне навстречу и поинтересовалась:

– Вам кого, молодой человек?

– Геворкяна, – выпалил я и с замиранием сердца стал дожидаться ответа.

Лицо девицы приняло озадаченное выражение:

– Какого еще Геворкяна?

– Директор на месте?

– Пал Палыч? – уточнила краснощекая девица.

– Пусть будет Пал Палыч, – согласился я и протиснулся бочком к двери в подсобное хозяйство.

Этого типа я обнаружил в миниатюрном кабинетике, затесавшемся между уборной и кладовой. Запах в комнатухе стоял соответствующий.

Пал Палыч вперил в меня настороженный взгляд. Пару секунд ему потребовалось для того, чтобы определить, что к нему заявился не представитель санэпидемстанции или налоговой инспекции. После этого директорский взор утратил колючесть и потускнел.

– Товары на реализацию не берем, – заученно пробубнил он. – Разве что сахар и муку. Можете предложить что-нибудь?

– Нет, – честно признался я. – Нет у меня ни муки, ни сахара.

– Зачем же вы тогда пришли? – В голосе Пал Палыча прозвучало раздражение.

– Я ищу Геворкяна, – вежливо сообщил я.

– Нет. Никаких Геворкянов я не знаю.

Очень не хотелось расставаться с призрачной надеждой, поэтому я по возможности красочно описал нужного мне человека: невысокий, бородатый, армянской наружности. Еще когда я дошел до геворкянской бороды, в глазах директора «Оазиса» наметился огонек понимания, и я оживился. Какое же было мое разочарование, когда по окончании моей

тирады Пал Палыч прищурил свои водянистые глаза и отрицательно покачал головой:

– Понятия не имею, о ком идет речь. Еще вопросы есть?

Вопросы имелись. Директор старательно отводил взгляд и демонстрировал свою полную некомпетентность. Мог бы, например, поинтересоваться, почему это я разыскиваю неизвестного ему человека именно в этом магазине. Мог бы для порядка задумчиво нахмурить плешивый лоб. А вместо этого он нетерпеливо барабанил пальцами по столу и делал вид, что я превратился для него в невидимку.

Печально улыбнувшись, я вздохнул:

– Выходит, ошибся. Извините. – Моя правая рука выскользнула из кармана и устремилась к Пал Палычу в прощальном жесте. – До свидания.

Он небрежно протянул мне пятерню:

– Всего хорошего.

Но ничего хорошего меня не ожидало. Значит, и его тоже. Я ловко поймал его ладонь, на ощупь отыскал на ней два пальца и заломил их назад. Это были безымянный и мизинец. Они дружно щелкнули суставами, Пал Палыч ошеломленно крикнул, на этом маленькая болезненная операция закончилась. Скукожив лицо, он медленно оторвал зад от кресла и открыл рот, готовясь заорать благим матом. Чтобы избежать ненужного шума, я свободной рукой нанес точный удар по дернувшемуся директорскому кадыку. Трагически охнув, Пал Палыч опустил мимо кресла и остался сидеть в

тесном закутке, неудобно привалившись к допотопному металлическому сейфу. На некоторое время он отключился.

Я бы постеснялся назвать себя мастером рукопашного боя. Но моя молодость прошла в период повального увлечения восточными единоборствами, и я не остался в стороне. Не было у меня за спиной никакой конкретной бойцовской школы, не имелось соответствующих поясов или данов. Просто когда-то я посещал подпольный зал, в котором заправлял медведеобразный дядя Миша, велевший называть его сэнсэем.

Тренировки проходили на голом энтузиазме, приемы дядя Миша перенимал из гонконговских боевиков или разучивал по бледным ксерокопиям книг с громкими названиями. И все же польза от занятий доморощенным карате была. Воображая себя Чаками Норрисами и Брюсами Ли одновременно, мы по вечерам оттачивали и отрабатывали приемчики в парке культуры и отдыха. Там вечно собиралась всякая шпана, так что нарваться на неприятности было парой пустяков. Вот мы компаниями по два-три человека и нарывались, проверяя себя и своих товарищей в деле. Эти почти ежевечерние променады вокруг танцплощадки дали мне несравненно больше, чем натужные позы и движения, навязываемые дядей Мишей. Я научился главному, что должен уметь мужчина: принимать удары и самому наносить их, не закрывая от страха глаза.

А эти навыки не проходят бесследно. Умение драться по-

настоящему и умение эффективно спарринговать на показательных выступлениях – очень разные вещи. Во мне не развился инстинкт сдерживать удары, намечать их контролируемые касаниями. Если уж я бил, то бил в полную силу. Так что не в меру замкнутого директора «Оазиса» пришлось приводить в чувство около пяти минут.

Когда его глазные яблоки затрепетали под веками, а губы стали страдальчески подергиваться, я склонился над ним, взял в руки его покалеченную пятерню и предупредил:

– Если вздумаешь орать, будет еще больнее. Я не оставлю тебе ни одного целого пальца, ни одного зуба. И никакая помощь тебе не понадобится, разве что «Скорая». Ты меня слышишь? Понимаешь? Если да, то кивни, этого будет вполне достаточно.

Когда он подчинился, кривясь от боли, страха и унижения, я продолжил:

– Мне нужен Геворкян – невысокий плотный армянин с бородой, который обитает в Новотроицке и имеет какое-то отношение к этому магазину. Ты узнал его по моему описанию. Неважно, под каким именем или кличкой он известен тебе. Для меня он Геворкян. И ты поможешь мне с ним встретиться.

Чтобы подстегнуть мыслительные процессы Пал Палыча, я отделил его указательный палец от остальных и сделал вид, что готовлюсь приступить к продолжению экзекуции.

– Не надо! – взвизгнул он, выпустив из ноздри большой

зеленоватый пузырь.

– Тогда говори.

– Возможно, – директор шумно сглотнул, – возможно, речь идет об Арарате?

– Очень даже может быть, – поощрил я его одобрительной улыбкой. – Этот Арарат со своими мальчиками не привозил ли вчера в магазин белую «Текну»?

– Белую – кого? – Директорский голос сделался плачущим. Викторина на сообразительность не закончилась, и он боялся дать еще один неверный ответ.

– Белый кондитерский шкаф. Холодильный, – терпеливо разъяснил я.

– Нет! – Косясь на свою пятерню, находящуюся в моих руках, Пал Палыч энергично помотал головой. – Арарат, он не занимается коммерцией. Он...

Мой собеседник замялся, и я пришел ему на помощь:

– Он просто курирует этот магазин, верно?

– Да, – с облегчением выдохнул Пал Палыч.

– Значит, – обстоятельно продолжал я, – Арарат не только получает свою долю выручки, но и оказывает тебе кое-какие услуги. Например, присылает своих орлов, если тебя кто-нибудь обижает. И на этот случай у вас существует связь, так? Сейчас именно такой случай. Позвони Арарату и сообщи, что из Курганска приехал человек, который желает встретиться с ним и уладить одно маленькое дельце. Пусть приезжает поскорее. Я буду ждать его снаружи, в темно-синей

«шохе». Ничего не перепутаешь?

Задумчиво поигрывая директорским пальчиком, я дождался клятвенного обещания в точности выполнить мое поручение и только тогда оставил Пал Палыча в покое, сунув ему дребезжащий телефонный аппарат.

Мы сидели в машине и тупо слушали попсовые песенки, перемежающиеся рекламными вставками и клоунскими репризами ведущих, вынужденных прикидываться такими же дебилами, как и их постоянные слушатели. Дожидаясь прибытия опекуна «Оазиса», я почерпнул по радио массу бесполезной информации, но так и не узнал, зачем Новотроицку с его двухсоттысячным населением понадобилась многокилограммовая партия наркотиков. Впрочем, у меня не было особого желания разгадывать эту загадку. Мне хотелось избавиться от сумки и вплотную подумать о своем дальнейшем существовании.

– И долго мы так будем сидеть? – спросил Леха, когда ему надоело следить за монотонной работой «дворников», сметающих снег с лобового стекла.

– За простой заплачу, – пообещал я.

Вместо того чтобы облегченно расслабиться, Леха энергично заерзал на своем сиденье. От избытка положительных эмоций, надо полагать.

А я был мрачен и неподвижен. Смотрел прямо перед собой, прикидывая, много ли у меня шансов выбраться из этой переделки целым и невредимым. Расклад получался не слишком обнадеживающим. Перспективы передо мной вырисовывались не более обнадеживающие, чем у того ямщи-

ка, который замерзал в степи глухой. В интерпретации развязного радиобалагура он кончил так плохо потому, что не обзавелся пейджером. Меня же могла выручить только спутниковая связь с ангелами небесными, а как ее наладить, я понятия не имел. Тем более что и погодные условия этому не способствовали.

Ветер немного утихомирился, но зато снег повалил гуще. Там, где на него падал свет из окон магазина, снег серебрился и вспыхивал разноцветными искорками. На фоне темноты он смотрелся не так празднично: белесая муть, за которой ничего не удавалось разглядеть толком – ни тебе неба, ни тебе земли.

Они возникли из этой снежной круговерти: сначала свет фар, потом темная иномарка. Остановившись на площадке перед магазином метрах в десяти от нас, автомобиль призывно помигал фарами.

– Повтори сигнал, – велел я Лехе.

Он подчинился, но заметно напрягся и вопросительно покосился на меня. Я не обратил на него внимания, я следил за прибывшими, которые не собирались спешить мне навстречу, дожидаясь инициативы с моей стороны. Выругавшись, я перебросил сумку на заднее сиденье. Невозможно было определить, кто находится в таинственной иномарке, остановившейся на приличном расстоянии. Это могли быть совсем не те люди, которых я рассчитывал увидеть. Если Арарат окажется никаким не Геворкяном, то встреча с

ним сулила очень неприятные выяснения отношений, которые могли закончиться конфискацией сумки. С предварительным мордобоем.

– Из машины не выходи, – посоветовал я Лехе. – Сиди тихонько, как мышка.

– У вас что, разборки какие-то? – В его голосе зазвенели панические нотки.

Заразившись моей нервозностью, он завертел головой по сторонам, как будто заподозрил, что нас незаметно окружают превосходящие силы противника.

– Успокойся, – сказал я как можно более мягко. – Разве я похож на бандита?

– Ты-то не похож, – вынужден был признать Леха. – Только это еще ничего не значит. Вozил я как-то одного типа за город. На вид нормальный, заплатить обещал хорошо. Так он мне тоже фарами велел мигать. А потом у меня чуть машину не забрали.

– За что? – притворился я удивленным.

– А за чужие долги, – сердито буркнул Леха. – Его там братва поджидала, которой он задолжал. Заодно и мне перепало.

– Это совсем другой случай, – убежденно соврал я. – Ты, главное, не дрейфь. Сейчас я улажу одно небольшое дельце с приятелями, и мы поедем обратно.

– С приятелями? – недоверчиво переспросил Леха, вглядываясь в автомобиль, угрюмо застывший в отдалении.

– Ну, со знакомыми, – поправился я. – Обычная деловая встреча.

Подбадривая себя этой надеждой, я выбрался из «Жигулей», аккуратно прикрыв за собой дверцу.

Они вышли мне навстречу, когда я находился на полпути к чужой машине с фордовской эмблемой на капоте. Двое из ларца, синхронно захлопнувшие дверцы и сделавшие по три шага вперед. Не приближаясь вплотную, я остановился, вглядываясь в темные фигуры, озаренные лимонным светом фар. Молодые лица были плохо различимы, но растительность их не украшала. Радужные улыбки тоже отсутствовали.

– Арарата ищешь, чирик?

– Допустим, – откликнулся я уклончиво.

– Так ты его нашел, – успокоили меня. – На свою задницу. Готовься, чирик.

Парни походили на тех самых, которые вчера сопровождали Геворкяна. С непокрытыми головами, симпатичные, стройные. На общем черном фоне выделялись только белые шарфики. Если уж пользоваться их птичьей терминологией, то они напоминали двух озябших воронов, прикидывающих, как бы половчее выклевать глаз еще живой добыче. Я и не заметил, как они оказались совсем рядом – такими вкрадчивыми были их движения. Развернувшись к ним вполоборота, я миролюбиво сказал:

– Меня зовут Игорь. Узнаете меня?

– Скоро тебя и мама родная не узнает, – с пафосом пообещал один, а второй тут же витиевато прошелся по моей материнской линии.

– Используй свою собственную маму, – порекомендовал я. – Дешевле будет.

Бац! Солёный вкус крови на губах ощутился мгновением раньше, чем боль. Я и не подумал защититься от удара. Потому что замах одного сопровождался угрожающим жестом второго, стремительно обнажившего ствол пистолета. Пуля, она, может, и дура, но соревноваться с ней в дурости мне абсолютно не хотелось. И так было ясно, кто окажется победителем.

Направленный мне в живот пистолет перестал интересоваться меня чересчур живо, когда за спиной раздался шум заводимого двигателя. Леха успел вдосталь налюбоваться происходящим и собирался покинуть сцену, не дожидаясь кульминации.

– Стой, придурок! – завопил я, обернувшись к привезшим меня «Жигулям».

Оба парламентаря, еще не понимая, в чем дело, разом навалились на меня, заламывая мне руки и пытаясь опрокинуть лицом вниз. «Жигули», фыркая и вздрагивая, попятились назад, готовясь развернуться и резво пуститься наутек.

– Сумка с товаром! – орал я в отчаянии. – Она в машине! Обладатель пистолета отреагировал самым бестолковым образом. Надо мной грохнул выстрел, от которого на мгно-

вание заложило уши. «Жигули» дернулись, как от удара плетью, а потом разом очнулись все лошадиные силы двигателя, унося машину с площадки перед магазином. Еще один выстрел вдогонку только подстегнул беглеца. Опасно вильнув, он вырулил на дорогу и припустился по ней в направлении Курганска. Мгла с готовностью поглотила его вместе с рубиновыми габаритными огнями.

Секунд пятнадцать мы изображали из себя трех истуканов, столь же деятельных и расторопных, как снеговики. Еще столько же времени заняла посадка в «Форд», хотя я не сопротивлялся, а, напротив, сам поторапливал их. Наконец, около полуминуты потребовалось на старт, сопровождавшийся зубодробительным скрежетом коробки передач. Это расстарался мой третий попутчик, прильнувший к рулю с видом отчаянного лидера автогонок. Судя по его судорожным движениям, преследование предстояло долгое и полное неожиданностей.

Геворкяна внутри прокуренного салона не обнаружилось. Но, судя по возбуждению троицы, все они отлично понимали, о каком призе идет речь. И жаждали завладеть им не меньше, чем я.

Меня поместили на заднее сиденье, а по бокам расположились те двое, которые вели переговоры. Один из них тыкал мне пистолетом под ребра и одновременно давал инструкции водителю, перемежая свою родную речь русским матерком. Второй сосед тоже не закрывал рта, а водитель успевал отвечать сразу обоим. От этого эмоционального гвалта создавалось впечатление лихорадочной спешки, хотя на самом деле снегопад вкупе с отсутствием профессиональных навыков не позволял доморощенному гонщику набрать

приличную скорость.

– Прибавь газу, – попросил я. – Второй такой сумки у меня нет.

– Он еще командовать будет! – возмутился водитель. – Карен, заткни ему пасть!

Кареном оказался незадачливый стрелок. На просьбу товарища он отреагировал тем, что попытался ввинтить ствол своего пистолета в мой левый бок.

– Закрой рот! – грозно распорядился он. И тут же добавил, не заботясь о нелогичности взаимоисключающих приказов: – Отвечай. Сколько человек в «шохе»? Куда они намылились с товаром?

Я пожал плечами:

– Водилу Лехой зовут, парень без понятия, что у него за груз в машине. Он один. Увидел оружие и испугался. Надо было меньше пушкой размахивать.

– Нет, вы только посмотрите на него! – возмутился мой сосед справа. – Он еще учить нас будет! Посмотрим, что ты запоешь, чижик, когда Арарат велит с тебя шкуру содрать!

Я подумал, что если мы не догоним Леху, то кожные покровы могут запросто пострадать у всех присутствующих, хотя делиться своими соображениями с нервными попутчиками не стал. Было бы лучше, если бы их внимание сосредоточилось не на мне, а на преследовании беглеца.

У Лехиной «шестерки» имелась кое-какая фора, и он постарался использовать ее с толком. Сколько я ни всматривал-

ся вперед, темно-синие «Жигули» там не появлялись. Впрочем, видимость была отвратительная. Перед глазами навязчиво маячила снежная пелена, подсвечиваемая фарами. Одно сплошное бельмо, сквозь которое все виделось молочно-мутным, расплывчатым, прозрачным.

– Куда ехать? – спросил водитель трагическим тоном, глядя на ночную дорогу так пристально, как будто продвигался по минному полю.

Вопрос был задан по-русски, значит, обращались ко мне, и я ответил:

– Выруливай на трассу и жми в направлении Курганска. У Лехи путь один – домой.

– Где живет, знаешь? – осведомился Карен.

– Нет. – Я покачал головой. – Случайный знакомый. Взялся отвезти меня за деньги. Он здесь ни при чем.

– Был ни при чем, – уточнил собеседник. – Теперь пойдет прицепом за тобой следом. Станете кишки на локоть мотать. Друг у друга, по очереди.

Троица азартно заржала. А мне вспомнилась вилка в глазнице незнакомого квартиросъемщика. И еще безвинная голова моего помощника, расколотая, как орех. От этого жизнерадостный смех попутчиков прозвучал для меня злоеющим карканьем.

Перестав обращать на меня внимание, они быстро затараторили по-своему, перемежая речь темпераментными восклицаниями.

Наверное, седуки подгоняли водителя, судя по тому, что «Форд» стало все чаще заносить из стороны в сторону. В результате бесконечных препирательств скорость мы все же набрали вполне приличную, так что каждый новый обгон мог стать последним. «Форд» обминал редкие машины то впритирку, то по встречной полосе, меняя одни накатанные колеи на другие. Когда он переваливался через снежные наносы, мы все дружно подпрыгивали на своих сиденьях, и тогда ствол пистолета елозил по моим ребрам. Я опасался, что при очередном толчке палец Карена нажмет на спусковой крючок, и все мысли, кроме этой, единственной, отступили на второй план.

Минут через двадцать водитель разразился бурной тирадой, в которой я опознал несколько знакомых крепких словечек, адресованных, по всей видимости, длинномеру, не желавшему притормозить и пропустить нас вперед. Разболтанно виляя задом, грузовик бойко катил впереди и даже прибавлял скорость, когда «Форд» пытался пристроиться рядом, чтобы совершить обгон. Снежные смерчи рождались под его задними колесами, искрясь и переливаясь в свете фар, как алмазная пыль.

– Э! – завопил сосед справа и добавил короткую торжествующую фразу на своем языке.

Переводчик мне не потребовался. Проследив за жестом указательного пальца, я увидел впереди мелькание синей «жигулевской» кормы. Нас разделял лишь корпус длин-

номера с бетонными плитами, установленными «шалашиком». Леха оказался отнюдь не лихачом. Судя по спидометру «Форда», он не рискнул набрать скорость больше девяноста километров в час. С одной стороны, это меня радовало. С другой – стало немного жаль парня, которого скоро отпустят ни за что ни про что. О том, что ждет лично меня по окончании погони, я старался не думать.

Огласив округу надрывным сигналом, «Форд» выскочил на встречную полосу и помчался вперед, торопясь миновать опасный отрезок пути, пока из темноты не вынырнула встречная машина. Плиты на длинномере, одна за другой, поползли мимо. Мы находились на уровне тупорылой кабины грузовика, когда я обратил внимание, что свет фар уперся в сплошной сугроб, уходящий дугой в темноту. Это был слишком крутой вираж, чтобы брать его с разгону, не заботясь о существовании тормозной педали, однако наш водитель, видно, думал иначе. Не знаю, на чем он там ездил в детстве – на благородном скакуне или задрипанном ишаке, но когда он, вцепившись в руль, весь откинулся назад, впечатление создалось такое, что он пытается натянуть невидимые поводья.

Джигитовка не удалась. Он обреченно заорал, когда сообразил, что не вписывается в поворот, только польза от такой запоздалой реакции была нулевая. «Форд» налетел на снежный гребень, опасно накренился и устремился капотом вверх, словно намереваясь совершить прыжок с трамплина.

Что-то громко проскрежетало по днищу, и я догадался, что это верхушка столбика ограждения, почти погребенного под снегом. Потом нас бросило вперед, потому что «Форд», перевалив препятствие, ухнул вниз. С треском ломая кусты, он прокатился еще несколько метров и очень удачно заглох, немного не доехав до деревьев. Мы завязли в снегу по самые фары, так что о продолжении гонки не могло быть и речи. Как говорится, сошли с дистанции.

На протяжении всего этого неожиданного трюка время перестало для меня существовать. Я не знал, сколько секунд или минут прошло с того момента, когда заверещал наш водитель, до ошеломляющей тишины, воцарившейся в салоне. Но молчание мои спутники хранили недолго. Когда стало ясно, что никуда мы уже не едем, они одновременно загомонили, жестикулируя руками так энергично, словно намеревались взлететь и продолжить преследование по воздуху. Карен, умудрившийся расквасить нос, размахивал пистолетом над самой головой водителя, а тот по-черепашьи втягивал ее в плечи и что-то вякал оправдывающимся тоном. Мой сосед справа тоже наседа на виновника происшествия, и его голос был самым громким и обличающим, потому что он, как было видно по его перекошенному лицу, перепугался больше всех.

Я не вмешивался. Сложив руки на коленях, сидел и ждал завершения разборки. Того, что меня вот прямо сейчас пристрелят и оставят лежать в сугробе, я не боялся – сначала им

нужно было найти сумку, которую они так бездарно упустили. И я оказался прав. Выговорившись и уняв кровь, Карен достал из кармана трубку мобильного. Тон его был жалобным и растерянным, как у ребенка, заблудившегося в лесу. Он звал на помощь Арарата. Значит, мои злоключения только начинались.

Глава 3

1

Через некоторое время прибыл мощный джип, он взял «Форд» на буксир и выволок из сугроба. Когда вокруг меня образовалось чересчур много молодых людей кавказской наружности и все они одновременно заговорили о чем-то своем, у меня разболелась голова. А вот привязывать трос поручили мне. Остальные были слишком заняты болтовней, жестикуляцией и мимикой.

На обратном пути мои спутники немного попридержали языки и поскущнули лицами. Было заметно, что они опасаются гнева своего Арарата. Но мне недолго пришлось любоваться их приунывшими физиономиями. На подъезде к Новотроицку меня заставили надвинуть мой вязаный колпак до самого подбородка, чтобы я ненароком не запомнил дорогу. А я и не собирался этого делать. Я был убежден, что если мне каким-то чудом посчастливится вырваться отсюда целым и невредимым, то меня никакими коврижками не заманишь обратно.

Дом, в который меня привезли, представлял собой типичное родовое гнездо богатого иноземца, процветающего в средней полосе России. С меня сняли колпак, и перед мо-

им взором предстали массивные раздвижные ворота, высокая кирпичная стена, трехэтажный домик с причудливыми башенками. Это впечатляло. Особенно сочетание гигантской спутниковой антенны с крепостными бойницами.

Подталкиваемый в спину сразу тремя конвоирами, я пересек вымощенный плиткой двор, заставленный автомобилями самых разных марок. Два мордастых пса проводили меня неприязненными взглядами и по разу рывкнули, проявляя желание познакомиться со мной поближе.

Войдя в дверь, я не сразу сообразил, что нахожусь в гараже, вплотную примыкающем к дому. Меня смутил большой ковер ручной работы, оказавшийся под ногами. Но потом я обнаружил в помещении шикарный серебристый «Мерседес» и догадался, что потрясающий ковер от стены до стены предназначен для него.

Меня ждали более скромные декорации. Смотровая яма посреди гаража представляла собой вход в подвал, расположенный под зданием. Мы миновали бильярдную, тир, тренажерный зал и, пройдя коридором, очутились в комнате с низким потолком. Из мебели – лишь старомодное креслице подле низкого журнального столика да ряд разномастных стульев вдоль стены. А посреди комнаты стоял операционный стол, покрытый несвежей простыней. Эмалированная кювета, которую я заметил под столом, была наполнена комками ваты с бурыми пятнами. Точно такие же пятна украшали простыню. Я и без подсказок определил, что это кровь. И

мне не нужно было объяснять, почему в комнате пованивает дерьмом и мочой. Здесь пытали и допрашивали. А кресло и стулья предназначались для зрителей. Не смог я определить лишь предназначение трех маленьких железных дверок, расположенных чуть выше уровня пола. Они походили на печные, но каждую украшал внушительный засов.

Перехватив мой взгляд, Карен любезно открыл одну из дверок и поманил меня пальцем.

– Это наши спальные номера для почетных гостей, – пояснил он. – Можешь заглянуть. Тебе понравится.

Чтобы воспользоваться его приглашением, мне пришлось присесть на корточки. Я увидел перед собой каменную клетушку, в которой можно было поместиться, разве что скрючившись в три погибели.

– Немного тесновато, но зато очень уютно, – сказали за моей спиной.

Я оглянулся через плечо и посмотрел на ухмыляющихся парней, стоящих поодаль. У меня было очень мало шансов справиться со всей троицей, тем более что на шум непременно сбегутся их соплеменники. Но если мне придется провести ночь в этой клетушке, то я стану вообще ни на что не годен.

Что-то прочтя в моем взгляде, Карен проворно отступил на пару шагов назад, извлекая на ходу знакомый пистолет. Сидя на корточках, я мог броситься ему в ноги, но для этого мне требовалось несколько движений, а Карену, чтобы оста-

новить меня, достаточно было пошевелить одним пальцем. Потому что пистолет он предусмотрительно снял с предохранителя.

– Не рыпайся, – посоветовал он, угрожающе щуря глаза. – Дольше проживешь.

Мне никогда не доводилось бывать в подобных ситуациях, но я подозревал, что легкая смерть от пули гораздо предпочтительнее жизни в застенках. И все же я не сумел заставить себя кинуться навстречу выстрелу. Как и каждый приговоренный, я в глубине души не верил, что все кончено. Надеялся на чудесное спасение. И утерянная сумка оставалась для меня последней соломинкой, за которую я рассчитывал ухватиться.

– Где Геворкян? – спросил я, поднявшись во весь рост. – У меня есть к нему разговор.

– У него есть разговор! – издевательски воскликнул Карен. – Твое дело отвечать, когда спросят. И ты ответишь. Ты будешь ползать на брюхе, умоляя, чтобы тебя выслушали. Ноги будешь нам лизать, баран безмозглый.

– Нет. – Я медленно покачал головой. – Своими вонючими ногами занимайтесь сами.

– Крутого из себя строишь? – оскорбился Карен. – А хочешь поглядеть, каким ты станешь? Арам, покажи ему кого-нибудь из наших гостей.

– Мужика или деваху? – оживился его товарищ.

– Топ-модель покажи, – решил Карен после недолгих ко-

лебаний. – Она созрела.

Арам с нехорошей улыбочкой приблизился к одной из дверей, открыл ее и позвал:

– Проснись, красавица. Твой выход.

Из каменного мешка с трудом высунулись длинные голые ноги, а затем узница вывалилась на цементный пол целиком, постанывая при каждом движении. Я увидел бледное лицо с запавшими щеками, темные круги у глаз и потрескавшиеся губы с отметинами зубов. Свальявшиеся волосы свисали тусклыми прядями на поникшие плечи. Возраст этого изможденного существа определить было нелегко, зато его пол не оставлял никаких сомнений, благодаря полному отсутствию одежды. Но не первичные половые признаки, а резко обозначенные под кожей ребра – вот что бросилось мне в глаза прежде всего. Остальное уже не хотелось разглядывать. Нагота давно немытого тела вызывала жалость и отвращение одновременно. А из опустевшей конуры несло всеми худшими человеческими запахами.

– Это наша Аленушка, – похвастался Арам. – Была очень симпатичная и очень гордая. На конкурсах красоты побеждала. Теперь полюбуйся на нее, чижик. – Он беззлобно пнул пленницу ногой в бок, выводя ее из состояния прострации.

– Пусть полает, – предложил третий тюремщик, тот самый горе-водитель, из-за которого мы упустили «Жигули» с товаром.

Он был рыжим, эффектно выделялся среди жгучих брю-

нетов. А уж хохотал он так заразительно, словно все время находился под кайфом от анаши. С этим радостным смехом он шагнул к пленнице и затушил окурок о ее голую грудь.

Она не вскрикнула от боли, а буквально завывала, тоскливо и протяжно, как собака, угодившая в лапы живодера. Смотрела остановившимся взглядом прямо перед собой и монотонно выводила протяжные ноты, раскачиваясь из стороны в сторону. Ее безумие было очевидным и пугающим. Это была уже не женщина, не человек. Сломленное, забитое существо, живущее неизвестно почему и непонятно как. Умолкла она так же неожиданно, как завела свое зауспокойное вытье. С наслаждением сгибала и разгибала конечности, радуясь временной свободе, а все остальное ее абсолютно не интересовало.

– Голос! – весело приказал рыжий, которого звали, кажется, Рубеном. – Подай голос, грязная сука!

– Ав! Ав-ав! – Ее голос был механическим, безжизненным, но неожиданно звонким.

Продолжая имитировать лай, она привычно встала на четвереньки, подползла к Карену и покорно ткнулась лицом в его ботинки. Победоносно поглядывая на меня, он сообщил:

– На дрессировку ушла неделя. Видишь, какой шелковой стала эта русская сучка? Смотри хорошенько и запоминай.

– Учись, – добавил Рубен.

А носатый Арам, уставившись на меня, зачмокал губами, как будто подзывал пса.

– Когда-нибудь вас самих посадят в клетки, – пообещал я. – Выловят все ваши бродячие стаи и будут показывать детям, как диких хищников. Или устроят вам резервацию на манер обезьянника. В Спитаке – там подобному мемориалу самое место.

Говоря, я смотрел в потемневшие глаза Карена, надеясь, что он вот-вот потеряет голову и набросится на меня со своим пистолетом. Если бы мне удалось завладеть оружием, то уже никаких мирных переговоров не получилось бы. Но в тот момент, когда Карен подался вперед, явно намереваясь прервать мою провокационную речь, за дверью раздались шаги.

Трое моих надзирателей еще только загоняли пинками голую узницу на место, куда ей очень не хотелось возвращаться, когда в комнату вошли новые действующие лица. Среди них я сразу узнал того самого Геворкяна, с которым так хотел повидаться еще пару часов назад. Теперь это желание бесследно испарилось. Но в доме, куда меня занесла нелегкая, учитывались в первую очередь пожелания его хозяина, господина Геворкяна, носящего гордое прозвище Арарат. Росточка он был невыдающегося – примерно в три с половиной тысячи раз ниже, чем знаменитая армянская вершина. Но при этом чувствовал себя не менее значительной и видной фигурой на планете.

Я почувствовал себя крайне неудобно в роли Магомета, к которому пришла гора.

– Садиться не предлагаю, – язвительно сказал Геворкян, устроившись в кресле. – Но можешь прилечь на стол, если хочешь. Это место специально для тебя и таких, как ты.

Его свита приглушенно зафыркала, пялясь на меня с кроважадным любопытством. К трем прежним опекунам прибавились два рослых мужчины более солидной наружности. Все зрительские места теперь были заняты, лишь я одиноко торчал на импровизированной сцене. Театр одного актера, подумал я. Последнее действие коротенькой драмы.

Но Геворкян не спешил с экзекуцией. В руках он держал новенькую колоду карт и увлеченно тасовал их, сдавая себе по пять штук. Его лицо, обрамленное идеально постриженной бородой, оставалось при этом невозмутимым, словно он играл в покер против настоящего противника. Четыре туза и джокер выпали Геворкяну на четвертой сдаче. Похоже, он и при игре с самим собой не мог удержаться от передергивания карт.

Удовлетворенно откинувшись на спинку кресла, Геворкян что-то спросил на своем наречии. В его фразе прозвучало слово «Форд», и откликнулся на вопрос рыжий водитель. Насколько я понял, Геворкян поинтересовался, кто сидел за рулем во время бездарной погони, а виновник аварии назвался и начал униженно оправдываться.

– Га? – Этим заискивающим восклицанием рыжий закончил свою оправдательную речь.

– Че! – рывкнул Геворкян, которого, как видно, услышанные доводы не убедили.

Он что-то властно приказал рослому телохранителю, и тот дважды ударил рыжего по лицу, отчего его голова мотнулась слева направо. Со стороны удары казались несильными, вялыми, но щеки Рубена моментально налились нездоровым румянцем.

Не обращая внимания на его жалкий лепет, Геворкян сосредоточил свое мрачное внимание на моей скромной персоне. На столике возле кресла появилось блюдо с фруктами, и Геворкян лениво отправлял в рот сизые виноградины, отщипывая их по одной от аппетитной грозди.

– Проголодался? – усмехнулся он, перехватив мой взгляд, брошенный на блюдо. – Но я тебя угощать не стану. Ты не гость в моем доме. Чужак, который пытался меня обмануть.

– Нет, – не согласился я. – Все получилось случайно. Я же не знал, что тот холодильный шкаф был с сюрпризом. А когда понял, в чем дело, я сам решил вернуть...

Мне не хотелось уточнять, что именно, но Геворкян сам закончил за меня:

– Героин. Двадцать килограммов. Ты хоть представляешь себе, сколько он стоит?

– Миллион? – брякнул я наугад.

– Кх-х, – тихонько засмеялся Геворкян. – Нет, не милли-

он. В пять раз меньше. Но у тебя ведь и двухсот тысяч нет, верно?

– Верно. – Я с сожалением вздохнул.

– Ну вот. А ты, вместо того, чтобы отдать мне товар, куда-то пропал. Я ведь ждал тебя, Игорь. Ровно в полдень, как ты и просил. Где же тебя носило?

Он оставил в покое виноград и снова взялся за колоду, избавив меня от своего томного взгляда. А я вспомнил, почему опоздал, и желчно сообщил:

– Я был у себя на квартире. А там труп с вилкой в глазу. А к трупу заявились гости. Я не мог выйти, пока они не ушли. Кстати, если не секрет, за что вы его?

Геворкян досадливо поморщился, изучая сданные себе карты.

– Подвернулся под горячую руку, – буркнул он, перетасовывая колоду заново. – Да кому он был нужен, алкаш несчастный?

– Они все алкаши, – неожиданно вставил Карен, вызывая сверля меня пламенным взглядом. – Отбросы, шваль. Скорей бы передохли все!

– А мой помощник? – настаивал я. – Водку на дух не переносил. По воскресеньям в церковь ходил. Картины, между прочим, рисовал. Он-то в чем провинился?

– Одним больше, одним меньше, – философски сказал Геворкян, пожимая плечами, явно преувеличенными покроем пиджака, сияющего новизной и белизной.

– Стадо! – не унимался Карен. – Никто и не заметит пропажу одной паршивой овцы.

– Меньше народу, больше кислороду, – подключился носатый Арам, тараща на меня свои кроткие глаза серны.

Ну вот, какой-то пришлый сброд, сбежавший со своей нищей родины, взялся решать судьбу моего народа! Мне ужасно захотелось остаться с кем-нибудь из этой компании наедине, чтобы без помех обсудить сложный национальный вопрос. Уж я бы растолковал тому же Карену, как следует вести себя на чужбине. Научил бы его родину любить. Не мою. Свою собственную. Ту самую, где жить ему было скучно и неинтересно, потому что деньги там ему пришлось бы зарабатывать собственным горбом, а не отнимать у других.

Диспут пришлось отложить на неопределенное время. Геворкян и пятерка его подручных представляли собой слишком многочисленную аудиторию для того, чтобы поддаться быстрому внушению и перевоспитанию. Приходилось терпеть их общество и надеяться, что все это продлится недолго. Я уже твердо решил про себя, что дам запихнуть себя в каменную усыпальницу только мертвым. Потому что не желал, чтобы со мной приключилась метаморфоза, в результате которой человек начинает скулить и ползать на брюхе по-собачьи.

Пока в моей голове бродили эти невеселые мысли, Геворкян успел о чем-то переговорить с соплеменниками и теперь с любопытством поглядывал на меня, склонив голову набок.

В своей черной шелковой рубаше и белом пиджаке он напоминал видеопрокатного мафиози, знал это и этим гордился. Даже борода его была кинематографической, как у Аль Пачино в какой-то гангстерской саге. Это мешало воспринимать его всерьез, несмотря на вполне натуральные трупы, которые он равнодушно оставлял на своем пути.

– Ну? – нарушил молчание Геворкян, продолжая развлекаться подтасовкой колоды. – Что мне с тобой делать? Оторвать твою бестолковую голову? Кастрировать? Или для начала отрубить руки?

«Для начала выведи жирное пятно с лацкана своего шикарного пиджака и вытряхни крошки из бороды», – это пожелание осталось невысказанным, как и лихорадочные догадки, роившиеся в моем мозгу. Если бы Геворкян действительно намеревался казнить меня, он не задавал бы этих риторических вопросов. Номера синих «Жигулей» он не знал, как отыскать Леху, не имел ни малейшего понятия. А с сумкой расставаться ему было жалко. И только я один мог помочь Геворкяну завладеть ею.

– Этот парень, который привез меня, смылся по дурости, – медленно произнес я. – Легко представить себя на его месте. Пальба, погоня. А потом сумка, набитая героином. Он захочет вернуть ее, как пытался сделать это я. Он же не догадывается, что я не запомнил номер его «шохи». Сейчас трясется, наверное, от страха. А утром помчится к Дворцу молодежи меня искать. Не думаю, что он попытается присвоить

товар и продать его. Не тот он человек.

– Допустим. – Геворкян поощрительно кивнул. – А почему этот твой Леха станет искать тебя возле Дворца молодежи?

– Он меня туда подвозил. К центральному входу. Я сказал, что ненадолго забегу на работу и сразу вернусь. Уж это-то он должен был запомнить.

– Надеюсь, что так, Игорь. И ты тоже надейся, чтобы интуиция тебя не подвела. Сейчас отпущу тебя в Курганск и дам тебе ровно сутки. Карен и Арам за тобой присмотрят, чтобы ты опять неожиданно не исчез. – Геворкян насмешливо прищурился. – А потом вы вместе вернетесь сюда. С товаром или без. И тогда я решу, что с тобой делать дальше. Кх-х!

Смешок в конце тирады не сулил ничего хорошего. Видимо, Геворкян уже мысленно пофантазировал и точно знал, как обойдется со мной в награду за мои старания. Но я не опечалился. Я тоже успел кое-что придумать. Карен с Арамом вернутся в Новотроицк с сумкой, если повезет, – но без меня. Даже если они оба окажутся вооруженными, я вручу им товар в таком месте, где они не отважатся пустить в ход пистолеты. Я-то знал, как людно бывает с утра возле центрального входа во Дворец молодежи. А пустыми угрозами они меня не запугают. Потому что захоронение заживо в стене проклятого подвала страшнее пистолета.

– Я согласен. – Мой тон был ровным, начисто лишенным

эмоций.

– Конечно, ты согласен! – радостно прыснул Геворкян. – Разве у тебя есть выбор?

Выбор у меня имелся. Не очень богатый, но все же. Так что жизнь продолжалась. И какой бы она ни была, на потом ее отложить не было ни возможности, ни желания.

Мне нравилось ехать ночью. Нравилось бездумно смотреть на ленту пустынной дороги, убегающей под колеса, нравилось, как ровно гудит двигатель, как светятся разноцветные огоньки на приборной доске. Не устраивало меня только вынужденное соседство с Арамом и Кареном.

Слегка помятый «Форд» они сменили на старенькую «Мазду» и находились по этой причине не в самом лучшем расположении духа. Арам всю дорогу бубнил что-то недовольным тоном, а Карен, устроившийся рядом со мной на заднем сиденье, сверлил меня горящим взглядом и не выпускал из руки свой пугач. Размером пистолет несколько превосходил «макарова», из которого мне однажды довелось пострелять по консервным банкам за городом. Внимательно посмотрев на него, я подумал, что не мешало бы и мне обзавестись оружием. Например, этим самым пистолетом.

– Как называется твоя пушка? – полюбопытствовал я. – На вид тяжелая. Кило потянет?

– Девять граммов в сердце, – ощерился Карен, цитируя незабываемую песенку из «Белого солнца пустыни». – Вот сейчас возьму и пристрелю тебя. Скажу, что хотел сбежать.

Я улыбнулся. Пистолет стоял на предохранителе, это раз. Во-вторых, Карен сначала должен был направить его на меня, а я только и ждал этого момента, так как рассчитывал,

что он непременно станет тыкать мне ствол в лицо, как в дешевом боевике. Слишком пылким он был, чтобы обойтись без мелодраматических жестов.

– Послушай, Карен. – Я изобразил доброжелательное любопытство. – Почему тебе дома не сидится? Выращивал бы виноград или мандарины. Овец бы завел, коз, детей. А то мотаешься по свету, как таракан, без роду без племени. Хотя у тараканов – и тех свой дом есть. А у тебя что?

– Ах ты, биять такая! – прошипел Карен, когда понял, что я над ним издеваюсь. Потом он перестал коверкать мой язык и перешел на свой собственный, а пистолет приставил мне к самому носу. Что и требовалось доказать.

Вооруженную руку я перехватил левой, а локтем правой снизу вверх заехал Карену в лицо, метя в переносицу. Он успел дернуть головой, но от этого ему легче не стало: удар пришелся в левый глаз, и мне почудилось, что я услышал чавкающий звук, с которым гибнет раздавленная мокрица. Карен завопил то ли от боли, то ли от неожиданности, и я с удовольствием повторил удар, ощутив на этот раз локтем твердое полукружье верхних зубов. Как только противник обмяк и потерял ориентацию в пространстве, я занялся его правой рукой и без особого труда разоружил ее.

Наша схватка на заднем сиденье «Мазды» длилась не дольше пяти секунд. Пистолетом я успел завладеть еще до того, как Арам сообразил, что за его спиной происходит нечто непредвиденное, и начал тормозить.

– Не останавливайся! – гаркнул я во всю силу голосовых связок. – Башку продырявлю!

Громкий крик подействовал на Арама как удар кнута. Вздвогнув, он убрал ногу с тормозной педали и послушно продолжал ехать прямо, втянув голову в плечи. Это ему не помогло. Я достал его беззащитное ухо – рукояткой пистолета. На всякий случай. Чтобы не вздумал вмешиваться в события. А уж потом опять удостоил внимания своего соседа справа, изготовив оружие к стрельбе в упор.

Карен поскуливал, закрыв лицо ладонями. По щеке, обращенной ко мне, медленно сползал комок слизи, оставляя за собой влажный розовый след. В свете встречных фар вытекший глаз напоминал по консистенции ошметок медузы. А еще больше – смачный плевок на щеке.

– Включи освещение в салоне, – приказал я Араму, который боялся не то что оглянуться, но даже встретиться со мной взглядом в зеркальце заднего обзора.

Сначала я полюбовался рубиновым ухом водителя, потом сосредоточился на Карене, страдающем рядом. Не привыкли парни к грубому обращению, скисли. Перестали мнить себя всесильными и безнаказанными. И такими они нравились мне гораздо больше.

– Тебя раньше никогда не били? – осведомился я у Карена. – Бил только ты, да? Когда рядом была твоя кодла. Ну и как ощущения? Поделись, интересно.

Карен открыл рот, но смог выдавить из себя только про-

тяжное:

– Ва-а-а...

Его рот был полон крови, а в середине верхнего ряда зубов образовалась небольшая брешь.

– Теперь ты сможешь свистеть, как настоящий разбойник, – утешил я Карена. – А еще удобно подзывать свистом всяких дрессированных сук.

– Ва! – повторил он без всякого энтузиазма.

Когда его челюсть отвисла, между зубами протянулись тягучие кровавые нити, никак не желавшие рваться. А губы Карена были темно-вишневыми, словно их покрыли жирным слоем эффектной лоснящейся помады. Остальные детали лица оставались закрытыми ладонями, но увиденного вполне хватило, чтобы удовлетворить любопытство.

– Притормози, – сказал я Араму, когда фары выхватили в темноте придорожную табличку с надписью «Курганск». – А теперь выходите из машины, оба.

Они подчинились и обреченно замерли на обочине, явно ожидая выстрелов в затылок. Вместо этого я выбрался из «Мазды» и скомандовал:

– Лечь лицом вниз! Руки за голову!

Обыск не дал никаких результатов. Ни ножей, ни пистолетов. Изъяв обнаруженную наличность, я заинтересовался пакетиком, который выудил из кармана Арама. Он был туго набит использованными презервативами, их было там полсотни, не меньше. Я брезгливо выронил пакетик из разжав-

шихся пальцев, придвинул его носком ботинка к голове Арама и угрюмо спросил:

– Это еще что такое?

Он на мгновение приподнялся, снова уткнулся носом в снег и сконфуженно прокряхтел:

– Сувениры.

– Что? Что ты сказал?

– Сувениры на память, – повторил Арам немного громче.

Он все еще ожидал выстрела в затылок, и его язык ворочался с трудом. Но я разобрал произнесенное и, невесело усмехнувшись, сказал:

– Можешь забрать свою коллекцию. Когда состаришься, будешь жевать эти резинки и вспоминать наших девушек.

Арам робко захихикал, начиная догадываться, что до смертоубийства дело не дойдет. Я осадил его пинком под ребра и распорядился:

– Пройдите десять шагов вперед и остановитесь. Я позову.

Мне не терпелось как следует рассмотреть свой трофей, благодаря которому роли в нашей маленькой выездной труппе перераспределились. Это был немецкий пистолет, о чем свидетельствовала надпись на стволе. С другой стороны большими буквами было начертано название фирмы – «SIG SAUER». Нажав кнопку на рукоятке, я принял на подставленную ладонь длинную увесистую обойму. Когда я пересчитал все выщелкнутые патроны, их оказалось пятнадцать. В стволе патрона не было. Отведя большим пальцем курок,

я плавно нажал на спусковой крючок и услышал сухой щелчок. Конфискованный «зауэр» оказался исправным, хорошо смазанным и ухоженным. Это вселяло уверенность и надежду. Я не ожидал, что наличие оружия так резко изменит мое настроение.

Зарядив пистолет, я кликнул своих недавних конвоиров и усадил их на передние сиденья, чтобы было удобнее держать под прицелом обоих. А потом велел Араму ехать к Дворцу молодежи. Мои планы встретиться там с Лехой не изменились. Зато все дальнейшие шаги теперь можно было не согласовывать с Геворкяном и его гвардией.

Ночной Курганск выглядел безлюдным и неприветливым. Большая и наиболее благоразумная часть населения уже попряталась по домам. Вдоль дороги можно было увидеть лишь бесшабашных выпивох, курсирующих между ларьками, замерзших проституток да шумные компании подростков, вышедших на поиски приключений. Законопослушные граждане, попадающиеся на остановках, испуганно жались друг к другу и высматривали в темноте редкий городской транспорт, мечтая поскорее убраться с темных улиц. Казалось, что с наступлением ночи город перешел на осадное положение.

Передо мной маячили понурые головы Арама и Карена. Их затылки и плечи излучали злобу со страхом вперемешку, но они держали свои чувства при себе, даже между собой перестали общаться, когда я запретил им пользоваться их родным наречием, чтобы не допустить возможность какого-либо сговора. Морально и физически они были подавлены, но в каждом человеке есть некая тайная пружина, которая может распрямиться в самый неожиданный момент. А я не мог позволить себе быть застигнутым врасплох. Поэтому меня интересовало, какие мысли бродят в головах, которые торчали передо мной на расстоянии вытянутой руки.

– Карен, – окликнул я. – Повернись сюда.

Он неохотно подчинился и уставился на меня уцелевшим

глазом. Второй был заботливо прикрыт носовым платком, побуревшим от крови.

– Хреново тебе? – спросил я, хотя и без того знал ответ. Просто боевой запал давно угас, сменившись чувством вины и непонятной тоской. Я и не ожидал, что моя ненависть к Карену так быстро испарится. Если бы сейчас он вдруг решился на активные действия, я вряд ли заставил бы себя нажать на спусковой крючок. Но он не проявлял воинственных намерений. Лишь смотрел на меня одним глазом, наполненным безмолвной яростью и мукой. Наверное, еще никогда в жизни мне не было так тяжело выдерживать чужой взгляд.

– На послезавтра у меня назначена свадьба, – неожиданно заговорил Карен, когда я уж решил, что не добьюсь от него ни слова. – Приедут родители, братья. Как я им теперь покажусь?

– Парня, которого вы убили на выставке, звали Сергеем, – тихо сказал я. – У него тоже были родители. А еще жена и маленькая дочь.

Карен в ответ оскалился, демонстрируя мне зияющий пролом в зубах.

– Насрать мне на твоего Сергея, на его могилу и на его семью, – прошепелявил он, буравя меня единственным глазом. – Ты тоже скоро подохнешь. А я полюбуюсь, как с тебя заживо будут сдирать кожу!

– Если вконец не ослепнешь к тому времени, – мрачно произнес я.

Презрительно искривив губы, Карен отвернулся с высокомерием испанского гранда. Разговора по душам не получилось. Раскаяние куда-то подевалось так же внезапно, как и появилось. В груди сделалось пусто и холодно. И я не представлял себе, чем стану отогревать свое сердце, когда вся эта история закончится. Не очень-то верилось, что это вообще возможно.

Когда мы добрались до Дворца молодежи, он был безжизнен и мрачен, как затонувший корабль. То, что в громадном здании кое-где брезжил свет, только усиливало его сходство с безмолвной машиной, застывшей в темной бездне. Наверное, так выглядел «Титаник», опустившийся на дно морское.

Площадка перед центральным входом была пуста, если не считать занесенный снегом одинокий грузовик, который торчал на этом самом месте с того самого дня, когда я начал работать в фирме «Айс». Стоянку никто не охранял, к тому же она находилась в паре сотен метров от магистрали, поэтому не находилось желающих парковаться здесь ночью. Только наша «Мазда» подрулила ко входу, оставив на снежном покрове приметный след. Как только Арам заглушил мотор, вокруг стало так тихо, что я услышал шорох мельчайших снежинок, задевающих корпус автомобиля.

– Леха вряд ли появится до утра, но на всякий случай покараулим, – сказал я двум обращенным ко мне спиnam. – Вам лучше всего покемарить, чтобы не нервировать меня понапрасну. Я, разумеется, спать не буду, не надейтесь. Если есть

необходимость отлить, милости прошу, но по одному. И еще. Стрелять буду без предупреждения. Даже если мне только покажется, что вы задумали какую-нибудь пакость.

– Печку включать можно? – вежливо осведомился Арам.

– Печку включать можно и нужно, – ответил я с не меньшей учтивостью. – Но ты спи спокойно, дорогой товарищ. Как только в машине станет холодно, я дам тебе знать. Все, инструктаж закончен. Еще вопросы есть? Нет? Тогда приятных снов.

Глядя поверх голов своих спутников, которые либо притворились дремлющими, либо действительно решили поспать, я испытывал привычное чувство полнейшего одиночества, такое сильное, что оно напрочь перебивало усталость и голод.

Как всегда по ночам, в голову полезли невеселые мысли о никчемности моего нынешнего существования – куда там Екклесиасту! Следом всплыли воспоминания, такие же горькие, как вкус бесчисленных сигарет, выкуренных мной за долгие бессонные ночи.

Три года назад у меня еще имелась семья, в кругу которой я встретил Новый год, тот самый проклятый год, с которого началось летосчисление моей холостой жизни. Все произошло так же нежданно-негаданно и драматично, как буря сменяет безмятежный штиль.

Моя маленькая семья состояла из меня самого и двух Светлан – жены и дочери. Вообще-то старшая была для меня

Светкой, а младшая – Светулей, Светиком. Имя дочурке выбирал я, разумеется, увековечивая свою любовь к женщине, которую с юных лет считал единственной.

Вся беда в том, что очень похожие чувства к Светке испытывал мой лучший друг детства. Раньше я называл этого человека по имени, Пашей. Теперь я предпочитал использовать его совершенно дикую фамилию – Воропайло, и она превосходно вязалась с образом того, кто нагло умыкнул обеих моих женщин, став одной из них законным супругом, а второй – отчимом, которого она училась называть папой, новым папой. Меня, прежнего папу и экс-мужа, все трое вычеркнули из своей жизни, как будто я умер. Когда я изредка появлялся на их горизонте, отчаянно пытаюсь напомнить семилетней Светланке, кем когда-то был для нее, и она, и моя бывшая жена с бывшим другом смотрели на меня, как на назойливого призрака. Немножко любопытства плюс сильная опаска и желание поскорее от меня избавиться.

Наверное, Воропайло стал мне достойной заменой. Однажды Светлана-старшая гордо высказалась в том смысле, что чувствует себя отныне как за каменной стеной. Оказывается, ей нужна была не любовь, а прочная опора в жизни. А я таковой не являлся. Перекати-поле, как высказалась она, когда я потребовал объяснений. Я без конца чем-то увлекался, менял места работы, носился с глупыми идеями. Тем временем прагматичная Светлана занималась улучшением жилищных условий, ремонтом квартиры, установкой металли-

ческой двери и даже заготовкой картошки на зиму.

Я не подозревал, что назревает опасный кризис. Встретив очередной Новый год дома, я укатил на Шпицберген, куда норвежцы будто бы вербовали добровольцев на нефтяные платформы, платя им около тысячи долларов в месяц. Подряд оказался фикцией. Собрав с искателей приключений деньги на дорогу и трудоустройство, организаторы поездки тут же слиняли, бросив нашу растерянную бригаду вместе с десятками других на незабываемом полуострове Рыбачий. Там, почти лишенные средств к существованию, мы кое-как прокантовались до весны. Это были очень долгие и очень трудные месяцы. Бесконечные драки, технический спирт в качестве утреннего аперитива, кражи всего, что плохо лежит, включая дырявые носки. В общем, суровая школа выживания.

Когда я вернулся домой гол как сокол, приготовившись выслушать все заслуженные упреки и обвинения в свой адрес, таковых не последовало. Я пришелся ко двору не лучше, чем оплаканный и погребенный Лазарь, который вдруг воскрес и явился обратно, пугая родных и близких своим видом. Не знаю, как устроил свою новую жизнь этот живой труп, – Евангелие умалчивает о его дальнейшей судьбе, – но Светка посмотрела на меня так, что я почувствовал себя законченным зомби, возвращению которого никто не рад. Мое место успел занять Паша Воропайло, с которым я даже, помнится, машинально обменялся рукопожатием, не

сразу сообразив, как и почему он оказался в моей квартире.

Обстоятельный, ухоженный, уверенный в себе Воропайло. Когда я, потрепанный и грязный, присел на корточки, чтобы обнять свою ненаглядную Светланочку, она, брезгливо сморщив носик-пуговку, проворно спряталась за спину моего бывшего друга. И тогда я понял, что за три месяца я вдруг стал лишним в своем собственном доме. Воропайло произнес на прощание вежливую фразу про всегда открытые двери. Светлана-старшая тоже выразилась в этом духе. Но я прочел в ее глазах другое: уходи и не возникай, Игорь, возврата к прошлому не будет. И изменить что-либо было уже невозможно ни нудными выяснениями отношений, ни угрозами, ни даже кулаками, порядком сбитыми за время моих скитаний. Все было кончено. Так уж вышло, старик, сочувствующе сказал Воропайло, когда я уходил с наспех собранными пожитками.

В юности был он отпетым хулиганом и разгильдяем, но впоследствии изменился коренным образом. Занялся боксом, окончил школу милиции, пошел работать в правоохранительные органы. Воропайло зарекомендовал себя отлично и бойко шагал по служебной лестнице. В последний раз, когда я заглядывал домой, надеясь неизвестно на что, он предложил мне обмыть капитанские звезды, полученные досрочно за какую-то успешную операцию. Насколько я понял, Воропайло был назначен старшим оперативным следователем отдела по борьбе с незаконным обращением наркотических

средств.

Вот такая ирония судьбы, подумал я, вспомнив об этом обстоятельстве в темном салоне чужой машины. Хорошенькое дельце! Выходит, я теперь стал самым непосредственным клиентом Паши Воропайло, контингентом, с которым он привык работать. Интересно, как бы он повел себя, если бы вдруг я с сумкой героина очутился в поле его зрения? Предупредил бы меня об опасности в память о нашей бывлой дружбе? Или постарался бы поскорее упечь меня за решетку?

Когда темнота незаметно сменилась непроглядной серостью нового утра, я провел рукой по небритому подбородку и подумал, что вполне заслужил обильную еду с выпивкой, сауну и чистую постель. Оставалось лишь подождать еще немного, потерпеть. Я был готов к этому. Ведь терпеливое ожидание – это не просто удел человека, это тот самый смысл его существования, который тщетно пытаются разгадать философы на протяжении тысячелетий. Ждем неизвестно чего, надеемся непонятно на что – а все вместе называется жизнью. Когда уже не ждешь и не надеешься, это значит – ты умер. Вот и вся разница.

Любопытно было наблюдать, как утро постепенно вступает в свои права. Сначала в сумерках обрисовалась вереница тощих бродячих собак, вышедших из зимнего парка на промысел в городских дебрях. Следом стали появляться псы породистые, ухоженные, сопровождаемые сонными хозяевами. Потом у мусорных баков возникли понурые фигуры бомжей, а у входа во Дворец молодежи – женщины с деревянными лопатами для чистки снега. А уж потом по расчищенным дорожкам повалила основная масса народа: сотрудники Дворца молодежи, арендаторы, детвора, записанная в различные секции. Пустынная стоянка как-то незаметно заполнилась машинами, подкатывающими со всех сторон. Я, Арам и одноглазый Карен внимательно вглядывались в прибывающие автомобили, отыскивая среди них нужные нам «Жигули» темно-синего цвета.

– Что-то не видно твоего Лехи, – сказал Арам. Нос его выглядел в утреннем свете поникшим и унылым, а пострадавшее ухо приобрело синюшный оттенок.

– Он не приедет, – злорадно отозвался Карен. – Зря мы здесь торчим.

Едва проснувшись, он полез изучать в зеркальце свою физиономию, но через пару секунд поспешно возвратил платок на место выбитого глаза, как будто надеялся, что он восста-

новится сам собой, если оставить его в покое.

– Приедет, никуда не денется, – пообещал я, стараясь придать голосу уверенность. – Никуда ему деваться.

Не отрывая взгляда от съезжающих машин, я мысленно торопил Леху: давай, парень, не тяни, не испытывай мое терпение. Все равно ты не сможешь по-умному воспользоваться добычей. Двадцать килограммов сахарагодились бы тебе куда больше, чем героин. Это не тот товар, которым можно торговать на рынке. Верни его и забудь как страшный сон. Всем будет лучше.

Мои безмолвные призывы подействовали. На площадку медленно вырулила машина подходящей модели и расцветки. Я медленно выдохнул воздух из груди и сказал почему-то шепотом:

– Кажется, он.

– Так иди, – забеспокоился Арам. – А то уедет.

– Если уж он здесь, то не уедет.

Я вглядывался в «шестерку», пытаясь определить, кто сидит за рулем, но она остановилась неудачно, ее заслонял корпус другого автомобиля. Мне и самому было непонятно, почему я медлю, вместо того чтобы пройти три десятка шагов и заглянуть в окно темно-синих «Жигулей». Но я все равно оставался на месте.

Карен нетерпеливо выругался и, обернувшись, уставился на меня своим глазом:

– Ну?

– Не нукай, – отозвался я.

Над крышами машин возникла Лехина голова в знакомом кепи с опущенными наушниками. Эта голова вертелась во всех направлениях, выискивая вчерашний «Форд», но мы-то явились на встречу в «Мазде», поэтому Леха не задержался на ней взглядом. Даже издали было заметно, что он ужасно нервничает. Отчасти я понимал парня, сам побывав в его шкуре. Но, с другой стороны, слишком уж явно он выдавал свой испуг. Казалось, он в любой момент готов пуститься наутек, однако что-то сдерживает его, заставляет оставаться на месте. Что именно?

– Сидите и ждите, – сказал я спутникам. – Сейчас я заберу у этого красавца сумку, отдам ее вам и отпущу вас на все четыре стороны. Геворкяну передадите, что у меня появилось срочное дело. Пусть поищет себе другого мальчика для битья.

Говоря это, я внушал себе, что именно так все и будет. Но никакой уверенности при этом не испытывал. Напротив, чувство близкой опасности холодило меня изнутри. Да и морозный воздух снаружи был пропитан теми же самыми тревожными флюидами.

Спрятав пистолет под куртку, я выбрался из «Мазды» и, выпрямившись, стал ждать, когда Леха меня заметит. А сам тем временем продолжал приглядываться к нему. Две странности бросились мне в глаза, две маленькие странности, на которые я не обратил бы внимания, если бы все мои чувства

не были обострены до предела.

Впритык к «Жигулям», чуть ли не прижимаясь кормой к бамперу, торчал автофургончик белого цвета. Леха то и дело бросал на него быстрые косые взгляды, словно желая убедиться, что микроавтобус никуда не делся. И мне очень не понравились эти зыркания украдкой.

Второй настораживающий момент заключался в злополучной спортивной сумке, которую Леха держал в руке. Чересчур небрежно держал, как будто она почти ничего не весила. Даже помахивал сумкой, а ведь в ней двадцать килограммов весу!

– Эй! – крикнул он, когда увидел меня. – Это я!

Вид у него был при этом не слишком радостным, зато голос – по-пионерски звонким. Как будто он извещал о моем появлении посторонних наблюдателей, пожелавших оставаться невидимыми. Что ж, если Леха явился в милицию с повинной, то определенная логика в его поступке присутствовала. Он не был замешан ни в каких убийствах, ему не грозили допросы с пристрастием и прочие радости следственной процедуры.

Быстро оглянувшись на микроавтобус, Леха опять посмотрел на меня и поднял вверх сумку, показывая, что мне нужно лишь подойти и взять мою вещь. Она свободно болталась на вытянутой руке. А Леха статью совсем не походил на мощного тяжеловеса.

Больше я не колебался ни секунды. Не сделал в направ-

лении Лехи даже самого маленького шажка. И стоять подле «Мазды» я тоже не стал. Неожиданно для самого себя сорвался с места и побежал ко входу в здание.

Уже на бегу краешком глаза я успел заметить фигуры в пятнистых камуфляжных костюмах, посыпавшиеся, как горох, из открывшегося автофургона. То, что все они были в черных масках с прорезями для глаз и при короткоствольных автоматах, я осознал уже на полпути к широкой лестнице, ведущей к ряду стеклянных дверей. Мне нужна была только одна из них, та единственная, которая не закрывалась пожилыми вахтершами, боявшимися сквозняков, как черт лаdana. И я молился, чтобы сдуру не промахнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.